КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1895 года. № 22. 16 Ноября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

БЕСѢДА

о происхожденіи праздника въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, 22 октября [1]).

Въ православной Русской Церкви существуетъ два праздника въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы: одинъ 8-го іюля а другой 22-го октября. По происхожденію своему, праздники эти отечественные, русскіе. Они не извѣстны ни Греческой Церкви, ни православнымъ чужестраннымъ Церквамъ славянскихъ племенъ. На Руси оба эти праздники, особенно праздникъ 22-го октября, весьма почитаются. Между тѣмъ, происхожденіе праздниковъ въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы мало извѣстно, особенно въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя присоединены къ ней

[1]) Произнесена въ Кіево-Срѣтенской церкви членомъ Общ. распр. религ.-прав. просв. въ духѣ Прав. Церкви, прот. К. Ѳоменко, и посвящена тому же Обществу

послѣ смутнаго времени Московскаго государства: въ Кіевской г., на Волыни, Подоліи и въ Бѣлой Руси. Въ частяхъ Россіи не только некнижный народъ, но и многіе грамотѣи не знаютъ происхожденія праздника 22-го октября.

Считаемъ не лишнимъ пополнить *по сказаніямъ Лѣтописи* то, что мало вѣдомо въ упомянутыхъ областяхъ. Историческія событія народно-государственной жизни, послужившія основаніемъ праздниковъ въ честь Казанской иконы Пресвятыя Богородицы, такъ много говорятъ русскому сердцу и такъ назидательны для всѣхъ...

Явленіе и прославленіе большей части святыхъ чудотворныхъ иконъ въ нашемъ Отечествѣ стоитъ въ живой, тѣсной и непосредственно-близкой связи съ событіями народно-государственной жизни. Явленія сіи, нося на себѣ печать дѣйствія небесныхъ, благодатныхъ силъ, показывали народу въ особенно тяжелые, или очень важные періоды народно-государственной жизни, *явное* участіе Промысла Божія въ судьбѣ Русскаго народа.

Чудотворная Казанская икона Богоматери явилась въ г. Казани въ 1579 году, за четыре года до смерти Іоанна Грознаго. Когда Іоаннъ Грозный въ 1550 году рѣшился итти войной на Казанское царство, въ то время всѣ сословія Русской земли, всѣ отъ царя и митрополита до простаго селянина и ратника, смотрѣли на эту войну не только какъ на сокрушеніе давнишняго сосѣдняго злаго врага, но и какъ на войну за свободу и успѣхъ Вѣры христіанской и для подавленія магометанства. Столь великое дѣло, какъ борьба христіанства съ магометанствомъ,—дѣло, начатое русскимъ царемъ и воинствомъ постомъ, молебствіемъ и окропленіемъ воинства водою, освященною частицами мо-

щей,—столь важное и священное дѣло, начатое съ вѣрой, могло ли совершиться безъ особеннаго содѣйствія Промысла Божія?

Извѣстно, что ничто такъ не способствуетъ къ распространенію христіанства между язычниками, какъ чудеса. Самъ Спаситель нашъ, пришедши въ языческія страны—Гадаринскую, Тирскую и Сидонскую для Евангельской проповѣди, прежде всего сотворилъ тамъ великія чудеса: изгналъ изъ бѣсноватаго легеонъ бѣсовъ (Луки 8, 26—40) и исцѣлилъ дочь хананеянки, (Матѳ. 15, 21 — 29). Чудеса довершили побѣду христіанства надъ магометанствомъ и въ Казани: и сіи чудеса были отъ явленной Казанской иконы Божіей Матери. «Много возвысилось христіанство въ глазахъ гордыхъ послѣдователей Корана явленіемъ чудотворной Казанской иконы Матери Божіей, говоритъ митрополитъ Филаретъ; чудеса ея, съ 1579-го года, слѣдовавшія одно за другимъ, невольно заставили признавать въ русскомъ христіанствѣ силу Божію, а въ мусульманствѣ—пустоту».

По сказанію, изложенному въ Прологѣ (8 іюля), святая Казанская икона Богоматери была обрѣтена въ Казани одной дѣвицей. «Явленный образъ былъ извлеченъ изъ земли и поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтенъ. Немедленно стеклось множество народа, который съ благоговѣйнымъ удивленіемъ взиралъ на святыню, тѣмъ болѣе, что отъ нея въ тоже время начала проистекать благодать чудотвореній». Когда Іоанну Грозному донесли объ обрѣтеніи святой чудотворной иконы въ Казани, то онъ повелѣлъ устроить, немедля, на мѣстѣ нахожденія иконы церковь и женскій монастырь, который и былъ названъ *Богородицкимъ*. Сынъ Іоанна Грознаго, Ѳедоръ Іоанновичъ повелѣлъ явленную икону украсить золотомъ, дорогими каменьями и жемчугомъ изъ царскихъ сокровищъ.

Въ смутное время Московскаго государства, время потрясенія почти всѣхъ основъ народно-государственной жизни, время самозванцевъ и междуцарствія, началось новое, вторичное, *всероссійское* прославленіе Казанской иконы Божіей Матери. Прославленіе это стоитъ въ слѣдующей связи съ событіями отечественной исторіи. Въ смутное время подъ Москву, въ русскій станъ, одинъ Казанскій пресвитеръ принесъ снимокъ съ Казанской иконы Богоматери. Небесную защиту, общее примиреніе и единодушіе несъ народному ополченію и враждующимъ вождямъ его сей св. образъ. Но бояре и ополченіе, стоявшіе тогда подъ Москвой, не были способны къ «совѣту» и единенію. Какъ увидимъ ниже, другую народную рать и другихъ бояръ, болѣе достойныхъ и проникнутыхъ общимъ дѣломъ спасенія Отечества, приняла подъ свою защиту пресвятая Богородица. Кто послалъ подъ Москву, въ неспокойный станъ, списанный снимокъ съ Казанской иконы Богоматери? Какая была цѣль принесенія сего образа подъ Москву? Въ это время лихолѣтья въ Московскомъ государствѣ не было не только царя, но не было и духовнаго руководителя—патріарха. Ревностный защитникъ Православной вѣры въ смутное время Московскаго государства—патріархъ Гермогенъ былъ посаженъ въ темницу и тамъ замученъ ужаснѣйшею голодною смертію. Другой защитникъ Церкви и Отечества въ эту годину—ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ былъ въ плѣну у поляковъ. Народъ оставался безъ духовныхъ вождей, которые въ то время имѣли сильное вліяніе на народъ. Казанскимъ же архіепископомъ былъ въ то время Ефремъ, мужъ благочестивый и мудрый. Онъ-то и послалъ подъ Москву съ Казанскимъ священникомъ

снимокъ съ Казанской иконы Богоматери, указывая этимъ, что въ сиротствующей Церкви и мятущемся государствѣ есть еще «Заступница усердная — Мати Бога вишняго».

Между тѣмъ, бѣдствія Россіи достигли крайней степени. Духовныя власти Троицкой лавры, въ виду общихъ бѣдствій, разослали по всѣмъ городамъ тогдашней Россіи слѣдующую грамоту: «Православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую Вѣру, — что мы всѣ родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, — обѣщались вѣровать во св. Тройцу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой; молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ; видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ. Гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образа? гдѣ иноки сѣдинами цвѣтущіе, инокини добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобы васъ самихъ та же лютая не постигла смерть. Пусть служилые, безъ всякаго мѣшканья, спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ храстіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, — безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, для Бога, отложите все это на время, чтобы всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія

православной христіанской Вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе,—ратными людьми и казною помогите, чтобъ собранное теперь здѣсь, подъ Москвою, войско отъ скудости не розошлось».

Грамота духовныхъ Троицкихъ властей произвела на народъ сильное впечатлѣніе; народъ готовъ былъ встать на защиту Отечества какъ *одинъ человѣкъ*. Вслѣдствіе этого, по совѣту всей земли Московскаго государства, во всѣхъ городахъ, всѣмъ православнымъ христіанамъ приговорили поститься три дня. Итакъ, все было готово; ожидали только начала народнаго движенія на защиту гибнувшаго Отечества. Движеніе обнаружилось въ Нижнемъ-Новгородѣ. Когда въ Нижнемъ была получена грамота изъ Троицкой лавры, то на другой день послѣ этого зазвонили въ большой колоколъ въ храмѣ Спаса Преображенія. Сошлось множество народа. Была отслужена литургія. А послѣ литургіи священникъ Савва сказалъ народу: «Православные христіане! Господа братія! Горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Погибаетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная Вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое обстояніе! Польскіе и литовскіе люди, въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство разорить и обратить истинную Вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили до основанія Богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить»?—Когда народъ вышелъ изъ собора и столпился на паперти, здѣсь посадскій

староста Косма Захарьевичъ召Мининъ-Сухорукъ громко сказалъ міру такое слово: «Если намъ пожелать подать помощь Московскому государству,—не пожалѣемъ животовъ нашихъ, да не токма животовъ, дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей въ кабалу отдадимъ, и будемъ бить челомъ, чтобъ шли заступиться за истинную Вѣру и былъ бы у насъ начальный человѣкъ. Дѣло великое мы совершимъ, если насъ Богъ благословитъ; слава будетъ намъ отъ всей земли Русской, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю,—только мы на дѣло подвигнемся, многіе города къ намъ пристанутъ, и мы избавимся отъ чужеземцевъ».

Составилось русское народное ополченіе. Собрали и казну. Начальнымъ человѣкомъ этого ополченія избрали, какъ извѣстно, князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, на которомъ за прежнія времена не лежало никакой неправды. Вѣдалъ казной выборный человѣкъ Косма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ.

Въ началѣ апрѣля 1612 г., князь Пожарскій и Мининъ привели народное ополченіе въ Ярославль. Здѣсь, въ Ярославлѣ, Пожарскій, Мининъ и народное ополченіе увидѣли Казанскую икону Пречистыя Богородицы, которую святитель Ефремъ прислалъ подъ Москву. Св. чудотворная Казанская икона Богоматери сдѣлалась какъ бы *полковой иконой* народной русской рати, предводительствуемой княземъ Пожарскимъ и Мининымъ. Отъ Ярославля эта св. икона сопутствовала рати и къ Москвѣ. Сію то рать и приняла Пресвятая Богородица подъ свой покровъ.

Народное ополченіе 20 августа подступило къ разоренной столицѣ. Къ разоренной и на половину сож-

женной столицѣ во второй разъ былъ принесенъ и Казанскій образъ Богоматери.

Не будемъ описывать хода войны подъ Москвой. Каждому очевидно, что много было пролито здѣсь крови русской,—пали тысячи жертвъ. Русскимъ народнымъ ополченіемъ были употреблены всѣ средства, чтобы взять царствующій городъ. Все было напрасно. Ополченіе почти начало терять надежду. А между тѣмъ настала осень съ дождями и холодами, когда положеніе осажденныхъ, безъ всякаго сравненія, выгоднѣе положенія осаждающихъ, лишенныхъ тепла и крова. Во время этого крайне труднаго «Московскаго взятья», по свидѣтельству Лѣтописца, и были многія чудеса отъ чудотворной Казанской иконы. Чудеса эти только и поддерживали надежду и укрѣпляли вѣру ополченія.

Наконецъ, 22 октября народное ополченіе пошло на приступъ. Китай-городъ взятъ; туда побѣдоносно вошло наше ополченіе, а съ нимъ и досточтимая Казанская икона Пресвятыя Богородицы. Поляки ушли въ Кремль и заперлись тамъ, но не на долгое время.

Такимъ образомъ. 22 октября 1612 г. былъ день истинно радостный для всего русскаго народа и для всей обширной Русской земли. Сей день—день избавленія Русской земли въ смутное время.

Освобожденіе царствующаго града, а съ нимъ и всего нашего Отечества, народное ополченіе приписало не себѣ, а защитѣ и мольбамъ Пресвятыя Богородицы. Русское ополченіе, въ знакъ своей благодарности Заступницѣ Пресвятой Богородицѣ, положило выстроить въ Москвѣ храмъ въ честь Ея Казанской иконы. И до нашихъ временъ Казанскій соборъ на Красной площади въ Москвѣ служитъ памятникомъ очищенія царствующаго града отъ поляковъ въ 1612 г.

Октября 24 поляки отворили въ Кремлѣ Троицкія ворота и стали выпускать бояръ и русскихъ людей, которые сидѣли въ осадѣ. На другой день, 25 октября, были отворены и всѣ ворота священнаго Кремля. Земское ополченіе ознаменовало свое вступленіе въ столицу торжественнымъ крестнымъ ходомъ. Въ крестномъ ходѣ земскаго ополченія несли Казанскую икону Богоматери. Во главѣ духовенства сталъ архимандритъ Троицкой лавры Діонисій, грамоты котораго и двинули земское ополченіе къ Москвѣ. Начался молебенъ. Изъ Спасскихъ воротъ въ это время вышелъ на встрѣчу побѣдоносному шествію въ столицу архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ. Архіепископъ Арсеній держалъ въ рукахъ Владимірскую икону пресвятыя Богородицы. Когда народъ увидѣлъ Владимірскую икону, то послышался вопль и рыданіе. Народъ никогда не чаялъ уже видѣть эту дорогую для Россіи икону. Архіепископъ Арсеній, соединившись съ крестнымъ ходомъ земскаго ополченія, торжественно вошелъ въ Кремль, въ Успенскій соборъ. Торжество закончилось божественной литургіей и благодарственнымъ молебномъ въ Успенскомъ соборѣ, въ «Домѣ Пресвятыя Богородицы», за который и шло сражаться русское земское ополченіе.

Подобное торжество видѣли отцы наши *ровно* чрезъ два вѣка, когда въ 1812-мъ году изъ сожженной Москвы принуждены были уйти французы и съ ними двадцать языковъ.

По окончаніи смутнаго времени, «всей Русской землей» былъ избранъ царь изъ дома Романовыхъ. Этотъ Августѣйшій домъ даровалъ намъ—и царя Освободителя, и царя Миротворца, и нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Итакъ, 22-е октября 1612-го года есть день спасенія Русской земли отъ смутъ междуцарствія и самозванцевъ и воцаренія благоденствующе—царствующаго царскаго Дома Романовыхъ.

Поучительное чтеніе

въ память св. мученика Михаила, князя Тверскаго, 22 ноября.

Велика ты, наша родная Земля русская! Отъ моря до моря предѣлы твои; пятую часть всего земнаго материка ты составляешь. Милліоны народовъ въ тебѣ обитаютъ—разныхъ племенъ, разныхъ языковъ. И существуешь ты уже не мало: уже прошло тысячелѣтіе твоей жизни; но ты все еще юна,—жизнь твоя еще впереди. Ты страшна для твоихъ сосѣдей: они ищутъ твоей дружбы; они прислушиваются къ твоему слову; они завидуютъ твоему могуществу и твоей славѣ. Видно, Господь любитъ тебя, Русь православная; видно, ты имѣешь не мало предстателей и заступниковъ у престола Божія... И дѣйствительно, сколько уже на небѣ есть прославленныхъ чадъ святой Церкви русской угодившихъ Богу въ разныхъ чинахъ и званіяхъ—и изъ иноковъ, и изъ знатныхъ людей, и изъ простецовъ, и изъ князей. Вотъ, и 22 ноября творится Церковью память одного изъ славныхъ предстателей Земли русской, изъ русскаго княжескаго рода,—бывшаго на Руси Великаго князя, святаго мученика Михаила Тверскаго.

Жилъ онъ въ тяжкія времена татарщины, когда жестокость, насилія и безправіе царили въ Русской землѣ, когда воля хана татарскаго значила все,—когда одно грозное его слово вело къ разрушенію и опусто-

шенію цѣлыхъ областей русскихъ. Въ такіе то трудныя времена, при татарскомъ ханѣ Узбекѣ, около 600 лѣтъ тому назадъ, занималъ на Руси великокняжескій престолъ тверскій князь Михаилъ. Много онъ терпѣлъ и много смирялся предъ непобѣдимою властью и силою татарскаго, не желая навлечь бѣды на свой многострадальный народъ; но однажды долженъ былъ взяться и за мечь, вынуждаемый несправедливымъ нападеніемъ на него войска ханскаго. „Князь, ты правъ предъ лицемъ Всевышняго; возьми мечь; съ тобою мечь и вѣрные слуги“: говорили епископы и бояре любимому князю. И онъ разбилъ грознаго Кавгадыя, военачальника ханскаго, плѣнилъ самаго Кавгадыя. Но и при такомъ успѣхѣ Великій князь смиряется; онъ видитъ, что не справиться ему со всею силою татарскою, которая готова была подняться на него по одному слову Узбека; онъ отпускаетъ на волю Кавгадыя, оправдывается несправедливымъ на него нападеніемъ и, по приказанію хана, ѣдетъ въ Орду, почти навѣрное зная, что̀ его тамъ ожидаетъ. „Можетъ быть, въ послѣдній разъ открываю я тебѣ мою душу, говорилъ Великій князь своему духовнику: я всегда любилъ Отечество. Благослови меня пролить кровь за Русь, если будетъ нужно, и моли, да проститъ мнѣ Богъ грѣхи мои“! Бояре и народъ умоляли князя не ѣхать,—въ Орду; и сыновья слезно просили послать одного изъ нихъ для умилостивленія хана; но святой князь отвѣчалъ съ твердостію: „не васъ, дѣти мои, а меня требуетъ ханъ. Можемъ ли мы бороться со всею силою его? Если я не исполню его приказанія, онъ опять станетъ опустошать область мою; тысяча христіанъ сложатъ головы свои, или пойдутъ въ плѣнъ. Умереть всѣмъ надо; „лучше же положить душу за многія души“. И Великій

князь отправился въ путь. По прiѣздѣ въ Орду, зложелатели князя обвинили его предъ Узбекомъ въ небывалыхъ преступленiяхъ; даже отпущенный имъ на волю Кавгадый былъ въ числѣ главныхъ его обвинителей. Несчастнаго князя заковали въ цѣпи, наложили на шею его желѣзную колоду и повлекли вслѣдъ за ханомъ, отправлявшимся съ своею дружиною на охоту къ берегамъ Терека. Мѣсяцъ—другой продолжались такiя страданiя князя. „Человѣколюбивый Владыко, слава тебѣ!“ восклицалъ часто князь въ своемъ безъисходномъ горѣ. Ты, Господи, удостоилъ меня начать страдальческiй подвигъ, удостой же и кончить его!“ Сопутствовавшiе князю вѣрные бояре сокрушались объ его уничиженiи и страданiяхъ. „Друзья мои, говорилъ имъ князь: вы долго видѣли меня въ чести и славѣ; возропщемъ ли на Бога за униженiе кратковременное?“... Нѣкоторые услужливые люди предлагали князю—спасти его,—предлагали ему всѣ средства къ бѣгству. „Князь, бѣги въ горы; лошади и проводники готовы“: неоднократно говорили они князю. „Не дай Богъ мнѣ сдѣлать это, отвѣчалъ князь на такiя предложенiя: я никогда не бѣгалъ отъ враговъ; и если я одинъ спасусь, а народъ подвергну новой бѣдѣ,—какой отвѣтъ дамъ я Богу? Нѣтъ, да будетъ на мнѣ воля Божiя“! Наконецъ князь былъ приговоренъ Узбекомъ къ смертной казни. Страдальца князя теперь еще больше томили въ заключенiи: на ночь забивали въ колоды даже его руки, такъ что онъ самъ не могъ переворачивать листовъ молитвенной книги Псалтыри пророка Давида, въ которой находилъ послѣднее утѣшенiе и отраду. Въ день кончины князь выслушалъ обѣдню, прiобщился святыхъ таинъ и спокойно ожидалъ смерти, повторяя, между прочимъ, псаломскiя слова: *Кто дастъ ми крылѣ яко голубинѣ и полечу и почiю!* Наконецъ, по указанiю Ковга-

дыя, палачи, какъ звѣри, бросились на Великаго князя, молившагося въ своемъ шатрѣ,—повергли его наземь,—били и топтали ногами, и затѣмъ одинъ изъ палачей вонзилъ мечь въ грудь князя. „И тако предаше душу въ руцѣ Господни ноября 22, въ 7 часовъ дня": говоритъ древняя Лѣтопись, и причтеся къ лику святыхъ со сродники своими Борисомъ и Глѣбомъ и съ Михаиломъ Черниговскимъ". Мощи святаго князя Михаила Тверскаго были перенесены въ Москву, а потомъ въ Тверь, въ Спасскій храмъ, построенный самимъ же Великимъ княземъ мученикомъ. Народъ оплакивалъ своего невиннаго князя, какъ отца родного, называя его безвинно пострадавшимъ и святымъ. И до сихъ поръ въ Твери, въ томъ же Спаскомъ храмѣ почиваютъ мощи святаго князя мученика и благоговѣйно чтится его святая память всею Русскою землею. Лѣтописи называютъ святаго князя Тверскаго Михаила „отечестволюбцемъ". Да, такимъ онъ былъ при жизни; такимъ онъ, безъ сомнѣнія, остался и по своей мученической кончинѣ. И онъ въ сонмѣ многихъ, многихъ небесныхъ святыхъ заступниковъ нашего православнаго Отечества, безъ сомнѣнія, не послѣдній. Будемъ же, бр. утѣшаться, что наше православное Отечество имѣетъ такихъ небесныхъ предстателей,—что оно стоитъ на нихъ какъ на недвижимыхъ камняхъ,—что его будущность велика, велика!..

Храни же, Господи, и впредь наше дорогое родное Отечество, нашу святую Русь православную, предстательствомъ вѣрныхъ святыхъ чадъ ея и нашими недостойными молитвами!

По поводу статьи С. А. Рачинскаго

„Церковная школа“. *Русское Обозрѣніе.* Октябрь.

I.

С. А. Рачинскій заключаетъ упомянутую нами въ заглавіи статью слѣдующими словами:

«Да проститъ меня читатель. Теченіе мысли увлекло меня слишкомъ далеко. Сельскому учителю не пристало заглядываться на горизонты, столь обширные. Но вѣдь и въ самой скромной сельской школѣ есть окна, и поневолѣ иногда ихъ откроешь, чтобы взглянуть на міръ Божій»...

И взглянувши изъ оконъ скромной сельской школы, С. А. Рачинскій нашелъ въ этомъ мірѣ мало утѣшительнаго...

Авторъ говоритъ о томъ періодѣ, который мы пережили и доживаемъ. Онъ не обозначаетъ точно, о какомъ періодѣ идетъ рѣчь: о томъ ли, коротенькомъ, который мы пережили и который прошелъ на нашихъ глазахъ,—о періодѣ со временъ освобожденія крестьянъ и до настоящаго времени, или о томъ періодѣ русской исторіи, который часто называютъ «петербургскимъ», и который закончился трагическою смертью Александра II. Безъ сомнѣнія, этотъ «петербургскій» періодъ окончился; безъ сомнѣнія, при Александрѣ III началось *нравственное* собираніе земли Русской; но прошедшее въ своихъ уродливыхъ хотя и блѣдныхъ отраженіяхъ еще тяготѣетъ надъ нами. Туманъ еще не совсѣмъ разсѣялся, и среди этого тумана многіе и до сихъ поръ принимаютъ призраки за дѣйствительность, а дѣйствительность—за призраки. Но кое что уже сдѣлано: если не найдены, то сознательно ищутся тѣ точки опоры, тѣ точки зрѣнія, отправляясь отъ которыхъ, опираясь на которыя можно было бы дѣйствовать серіозно и осмысленно. Такую точку опоры стараются отыскать и для разрѣшенія важнѣйшаго вопроса—о народномъ образованіи.

Въ древней Руси не могло даже и возникнуть вопроса о томъ, *чему* учить народъ. Тогда понятіе о *просвѣщеніи* было совершенно опредѣленное, ясное и безспорное. Каждый понималъ, что просвѣтить человѣка—это значитъ освѣтить его темную душу

свѣтомъ истины. Знали и гдѣ истина,—знали, что она во Христѣ и Его ученіи. Такимъ образомъ, тогда просвѣщеніе имѣло характеръ церковный. Тогда, не входя ни въ какія тонкости, вовсе не анализируя понятія о просвѣщеніи, совершенно твердо знали различіе между *просвѣщеніемъ* и усвоеніемъ тѣхъ или иныхъ знаній. Но съ тѣхъ поръ, пройдя черезъ европейскую школу, мы все перепутали, и когда намъ пришлось столкнуться съ вопросомъ о народномъ просвѣщеніи, оказалось, что у насъ нѣтъ никакихъ твердыхъ понятій о томъ, что такое *просвѣщеніе.*

Послѣдствія оказались тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ освобожденномъ народѣ появилось желаніе *учиться*; общество желало *учить,* даже до черезмѣрности, желало съ энтузіазмомъ,—и принялось за дѣло съ энтузіазмомъ. Никому не приходило въ голову задаться вопросомъ: какъ и чему учить народъ,—никому не приходило въ голову спросить: да что же такое *просвѣщеніе,* въ чемъ его значеніе и его сущность? Подобные вопросы казались давно рѣшенными, а потому праздными, безполезными, только тормозящими дѣло. Всѣмъ казалось, что время не терпитъ, что нужно что то дѣлать и какъ можно поскорѣе, что необходимо сейчасъ, сію минуту просвѣтить народъ,—просвѣтить чѣмъ бы то ни было, какъ бы то ни было и во что бы то ни стало. Общество, само чрезвычайно мало просвѣщенное, бродившее въ потемкахъ, только и твердило, что «ученье свѣтъ,—а неученье—тьма», и что этотъ свѣтъ надо какъ можно поскорѣе внести въ народъ. Но вопросъ о томъ,—да *просвѣщено* ли самое общество, съ такимъ энтузіазмомъ стремящееся просвѣтить народъ,—этотъ то главнѣйшій вопросъ тѣмъ менѣе приходилъ кому нибудь въ голову.

Оно и понятно.

Общество (въ очень широкомъ смыслѣ), до тѣхъ поръ не имѣвшее никакой умственной пищи, вдругъ сразу ее пріобрѣло. Цензурныя строгости ослабѣли. То, что еще такъ недавно считалось запрещеннымъ, выглянуло на свѣтъ Божій. Въ журналахъ стали толковать вкривь и вкось о Фурье и Сенъ-Симонѣ, о Бюхнерѣ и Молешотѣ, о Прудонѣ и Боклѣ, о Штраусѣ и Ренанѣ. Въ обществѣ, совершенно неразвитомъ, лишенномъ какого бы то

ни было образованія, жадно прислушивались къ этой отдаленной сплетнѣ о западно-европейскомъ движеніи идей. Никто не зналъ, да и не хотѣлъ знать, откуда произошли эти, казавшіяся у насъ новыми, идеи,—никто не зналъ, да и не хотѣлъ знать всего хода вѣковаго европейскаго просвѣщенія—и броженіе европейской мысли, съ которымъ, притомъ, ознакомливались изъ третьихъ рукъ,—это то броженіе принималось за послѣднее слово *просвѣщенія*. Вопросъ о томъ, *чѣмъ* просвѣщать народъ, рѣшался, такимъ образомъ, чрезвычайно просто. Да тѣмъ, чѣмъ просвѣщается и общество. Надо начать съ грамотности, а потомъ пусть народъ читаетъ «хорошія книжки»,—вотъ и все. Такъ и повелось дѣло. Но такъ какъ съ народомъ нельзя же было прямо начинать съ «послѣднихъ словъ» просвѣщенія, такъ какъ его надо было выучить грамотѣ, сообщить ему хотя элементарныя свѣдѣнія, то понадобилась педагогика. Гдѣ было ее искать? Конечно у Нѣмцевъ,—и тотчасъ были отысканы «послѣднія слова» педагогики. Стали переводить и передѣлывать разныя нѣмецкія «методики», разныя нѣмецкіе учебники и т. д., совершенно непригодные для русскихъ ребятъ. Всѣмъ памятны тѣ комичные эксперименты, которые производились въ школахъ надъ русскими крестьянскими дѣтьми... Но всѣ были довольны и до всеобщаго свѣдѣнія доводилось, что просвѣщеніе народа идетъ впередъ, такъ какъ крестьянскіе мальчики быстро усваиваютъ себѣ, что у лошади четыре ноги, а у человѣка—двѣ, и даже понимаютъ различіе между ножками у стола и ногами у животнаго...

Оказался, однако, человѣкъ недовольный.

Это былъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Въ четвертомъ томѣ собранія его сочиненій помѣщены его превосходныя статьи о народномъ образованіи. Я не буду говорить объ его великолѣпной критикѣ разныхъ перенятыхъ у Нѣмцевъ педагогическихъ пріемовъ; главное было въ томъ, что въ своихъ статьяхъ онъ поставилъ вопросъ о народномъ образованіи на правильную почву.

Среди всеобщаго, почти легкомысленнаго отношенія къ этому дѣлу, онъ задалъ именно тотъ вопросъ, который давно надо было задать: *чему* учить народъ, и знаемъ ли мы—чему его учимъ.

Этотъ вопросъ явился и у самого Толстаго, какъ результатъ продолжительнаго психическаго процесса, совершившагося въ его душѣ, какъ результатъ многолѣтняго соприкосновенія съ народомъ и именно въ школѣ. Но Толстой пошелъ и еще дальше. Недоумѣніе, возбужденное въ немъ близкимъ знакомствомъ съ народомъ, наблюденіями надъ отношеніемъ народа къ образованію,—недоумѣніе это выразилось и еще однимъ вопросомъ. Онъ спрашивалъ: кому у кого учиться: намъ у народа, или народу у насъ?

Такимъ образомъ, вопросъ былъ взятъ очень глубоко и во всей его обширности.

Я помню забавную тогдашнюю полемику, возбужденную статьями Толстаго. «Педагогическій міръ» взволновался. Ему было нанесено тяжкое оскорбленіе. Какъ, у нихъ, «хранителей огня на алтарѣ», спрашиваютъ, чему они хотятъ учить народъ? Мало того, спрашиваютъ: да есть ли имъ чему учить? Это, конечно, нельзя было перенести. Замѣчаніе же Толстого о томъ, что еще надо подумать—кому у кого учиться: намъ у народа, или ему у насъ—было понято такъ, какъ его невозможно было понять. Наивные противники Толстого, возражая ему, иронически спрашивали: неужели же намъ надо учиться у народа химіи или алгебрѣ? Эти наивные противники никакъ не могли понять, что тутъ то вопросъ и взятъ во всей его глубинѣ и во всемъ его объемѣ. Смыслъ вопроса заключался въ томъ, кому у кого учиться *пониманію жизни*,—намъ у народа или ему у насъ?

И Толстой склонялся къ тому, что учиться надо намъ у народа.

Онъ видѣлъ, что у народа есть ясное пониманіе смысла жизни,—что народъ знаетъ, какъ жить и какъ умирать, что у народа есть какая то незыблемая опора, благодаря которой онъ несетъ «бремя жизни» бодро и спокойно, благодаря которой онъ спокойно встрѣчаетъ смерть. И онъ видѣлъ, что у насъ такой опоры нѣтъ.

Эти вопросы Толстого, долго остававшіеся безъ отвѣта, наконецъ нашли отвѣтъ въ книгѣ С. А. Рачинскаго: *Замѣтка о сельской школѣ*. Подъ скромнымъ заглавіемъ этой замѣчательной

книги скрывается глубокое содержаніе. Въ сущности, мы находимъ здѣсь анализъ всей такъ называемой нашей образованности, и анализъ тѣмъ болѣе безпощадный, чѣмъ болѣе онъ спокойный. Вѣковыя церковныя воздѣйствія создали нравственный образъ нашего народа,—дали ему пониманіе смысла жизни и смерти, сдѣлали его твердымъ и бодрымъ, и учить народъ, просвѣщать его можетъ только Церковь, Церковь въ православномъ ея пониманіи: Церковь, какъ соединеніе всѣхъ вѣрующихъ. Таковъ былъ окончательный выводъ Рачинскаго. Главное дѣло значитъ не въ «школьномъ вопросѣ», въ узкомъ смыслѣ этого слова, а въ той нравственной атмосферѣ, которая окружаетъ школу. Вотъ на этой то сторонѣ дѣла особенно останавливается С. А. Рачинскій въ статьѣ «Церковная школа».

II.

С. А. Рачинскій говоритъ, что школа прежде всего должна быть школой «благочестія и добрыхъ нравовъ».

Станетъ ли кто съ этимъ спорить? А если станетъ, то такого необходимо спросить—чѣмъ же, по его понятію, должна быть школа? Если «благочестіе и добрые нравы», если религіозность и благоговѣніе больше уже не годятся, если все это не соотвѣтствуетъ новымъ современнымъ понятіямъ, то что же имъ соотвѣтствуетъ?

«Но, быть можетъ, все это неизбѣжно и законно», пишетъ С. А. Рачинскій.—«Быть можетъ, все то, къ чему стремятся программы нашихъ сельскихъ школъ,—и благочестіе, и церковность, и самая христіанская нравственность,—все это у насъ уже умерло, какъ, по увѣренію многихъ, все это умираетъ въ Западной Европѣ;—все это—лишь символы и формулы отжившаго строя мыслей, обреченнаго на гибель порядка вещей. Не обязаны ли мы, откровенно и прямо, внести въ сельскую школу ту новую жизнь, столь роскошно и быстро, столь побѣдоносно и смѣло развившуюся въ образованныхъ слояхъ нашего общества? Замѣнить ученіе о добрыхъ нравахъ ученіемъ о нравахъ свободныхъ, старое благочестіе, поклоненіе недоказанному Богу—поклоненіемъ естественному человѣку, этому высшему выраженію міровыхъ силъ, доступному

нашему здравому смыслу? Въ правѣ ли мы скрывать ту истину, которою мы живемъ, отъ людей темныхъ, ищущихъ свѣта? Не обязаны ли мы къ этому и простымъ чувствомъ самосохраненія и одобреннымъ наукою альтруистическимъ чувствомъ?»

Но—продолжаетъ онъ—

«Отчего этотъ вопросъ, столь естественный и логическій, звучитъ такъ дико и странно? Отчего не находитъ онъ отклика на днѣ нашей души, на томъ днѣ, въ которое мы давно отвыкли заглядывать? Почему при такой мысли намъ становится страшно и жалко? Почему намъ стыдно сказать *нѣтъ* и еще стыднѣе сказать *да*? Не потому ли что изъ этого глубочайшаго дна нашей души подымается признаніе, что всѣ эти новыя ученія, вся эта новая нравственность,—это для человѣка, несущаго тягло жизни, для человѣка, не даромъ бременящаго землю, совершенно непригодно, а пригодно только для насъ, людей праздныхъ и сытыхъ, развитыхъ и досужихъ; что все это неправда, и хуже чѣмъ ложь; что все это баловство ума и усыпленіе духа, потворство плоти и заглушеніе совѣсти»!

Вотъ вопросы отъ которыхъ нельзя уклониться.

Почему же наше образованное общество отъ нихъ уклоняется и не желаетъ отвѣчать на нихъ?

Дѣло это слишкомъ ясное. Потому что взгляды нашего такъ называемаго образованнаго общества находятся въ противорѣчіи съ его *совѣстью*. Вотъ почему это общество, у котораго совѣсть еще не окончательно заглушена, не можетъ отвѣтить на роковой вопросъ ни да, ни нѣтъ. Вотъ почему тѣмъ изъ образованныхъ людей, которые искренно задумываются надъ подобными вопросами становится «страшно и жалко». Но, не смотря на это колебаніе, общество все же вноситъ въ народъ эти «новыя ученія» и эту «новую нравственность»,—вноситъ безсознательно, помимо своей воли, но все же вноситъ. Какъ это дѣлается, какъ совершается этотъ пагубный процессъ—прекрасно объясняетъ С. А. Рачинскій.

«Вернемся къ сельской школѣ и взглянемъ на ея учениковъ», пишетъ онъ. Постараемся разсмотрѣть, па сколько въ этой школѣ они могли научиться благочестію и добрымъ нравамъ.

Ученики въ этомъ отношеніи приносятъ съ собою въ школу нѣкоторый запасъ, весьма неясный и неполный, но вполнѣ цѣнный и прочный. Если и видѣли они дома примѣры нравовъ весьма недобрыхъ, они никогда не слышали ихъ восхваленія, или оправданія; напротивъ того, слышали безпощадное ихъ осужденіе. Сами они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ успѣли загрязниться ими. Во всѣхъ насажденъ живой зародышъ благочестія: истинное благоговѣніе предъ еще невѣдомою святыней, глубокое уваженіе къ знанію вещей божественныхъ, живое чутье красоты внѣшнихъ символовъ богопочитанія. Какую же пищу, какую же почву находилъ и до сихъ поръ находитъ этотъ зародышъ въ большинствѣ нашихъ сельскихъ школъ?

«Прежде всего вниманіе учениковъ сосредоточивается на учителѣ. Человѣкъ новый, совсѣмъ непохожій на отца и на деревенскихъ сосѣдей, одѣтый какъ баринъ, вхожій къ господамъ, и говоритъ онъ какъ баринъ. Это все оттого, что онъ очень ученъ, много знаетъ, знаетъ все. Говоритъ онъ ласково. По большей части, онъ человѣкъ добродушный, и ребята скоро привязываются къ нему. Говоритъ онъ и о Богѣ, но не охотно и мало. Постовъ онъ не соблюдаетъ, да и какъ ихъ соблюдать? Это значило бы на добрую половину дней въ году отказаться отъ всякаго общенія съ людьми *почище*. Не утренніе же дѣлать визиты? Въ церковь онъ ходитъ, но пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы въ нее не ходить. Но что въ какой день поется въ церкви—онъ не знаетъ: это нужно спросить у дьячка. А впрочемъ, онъ человѣкъ хорошій.

«Мало-по-малу оказывается, что все это—не его личныя странности, но что, какъ онъ, живутъ всѣ господа, всѣ ученые люди въ сюртукахъ, которыхъ отъ господъ не разберешь,—даже батюшкины сынки, учащіеся въ духовной семинаріи. Они даже, эти господа, часто между собою посмѣиваются надъ всѣмъ этимъ, и надъ постами, и надъ церковными службами, а всего чаще надъ батюшкой и дьячкомъ. Видно, все это ученымъ людямъ не нужно. Церковь, приверженность къ Боженькѣ—дѣло мужицкое, дѣло людей сѣрыхъ и темныхъ».

Такова та безсознательная пропаганда, которую общество вносить въ школу, вноситъ не только образомъ своихъ понятій, но и всѣмъ образомъ своей жизни.

Скажутъ: но вѣдь и въ народѣ существуютъ пороки и существуютъ люди порочные. Безъ сомнѣнія. Но въ народѣ—*иное отношеніе* къ пороку, чѣмъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ. Яркую разницу этихъ двухъ отношеній рисуетъ С. А. Рачинскій въ слѣдующихъ словахъ:

«Съ этимъ мальчикъ и оставляетъ школу. Да, это такъ. Все божественное, все церковное, это—только для насъ, пашущихъ землю, учащихся на мѣдные гроши. Люди ученые, господа, безъ всего этого обходятся. А заповѣди Божіи? Развѣ чтутъ ихъ господа? Развѣ помнятъ они день субботній? Развѣ чтутъ отца и матерь болѣе чѣмъ мы? Конечно, и въ деревняхъ грѣшатъ противъ седьмой заповѣди; но крестьянинъ въ церкви не станетъ проталкиваться впередъ, подъ руку съ расфранченною блудницей. И въ деревняхъ крадутъ, но воры не въ почетѣ. А развѣ они не обманываютъ и насъ, и другъ друга на каждомъ шагу, и развѣ они того стыдятся»?

Чѣмъ же такъ называемые образованные люди, чѣмъ такъ-называемое образованное общество отвѣчаетъ на эти упреки? Вѣдь нельзя сказать, что этого нѣтъ,—вѣдь нельзя сказать что это неправда...

«А мы что дѣлали въ это время? (т. е. въ то время, когда въ школу вносился развратъ), спрашиваетъ С. А. Рачинскій.—Пожимали плечами и смѣялись, или въ досужій часъ бранились за рюмкой вина. И не приходило намъ въ голову подумать о томъ, гдѣ корень всего этого, чѣмъ все это питается? Не тѣмъ ли самымъ нашимъ смѣхомъ, не тою ли самою нашею самодовольною бранью»?

Къ одному ли прошедшему относятся эти слова? Не слышится ли и теперь эта постоянная глупенькая насмѣшка поверхностнаго, ничего не стоющаго скептицизма надъ вещами, превышающими его пониманіе,—не слышится ли и теперь та же самая «самодовольная брань» противъ всего, что идетъ въ разрѣзъ со

взятыми на прокатъ, съ поднятыми на улицѣ взглядами и «убѣжденіями» такъ называемаго образованнаго общества? («Моск. Вѣд»).

Ю. Николаевъ.

Къ вопросу объ уѣздныхъ наблюдателяхъ церковно-приходскихъ школъ.

Кіевскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ, на основаніи предложенія г. Оберъ-прокурора Св. Синода, въ текущемъ году, предоставлено право всѣмъ уѣзднымъ отдѣленіямъ совѣта въ теченіи августа мѣсяца обсудить и представить свои заключенія по нѣкоторымъ пунктамъ въ вопросѣ о народномъ образованіи и подъемѣ церковно-приходскихъ школъ. Въ числѣ тѣхъ пунктовъ, между прочимъ, имѣется такое предложеніе: представить не менѣе трехъ кандидатовъ на должность уѣзднаго наблюдателя. Послѣднее предложеніе епархіальн. училищнаго совѣта вызвало не мало толковъ и споровъ, какъ между сельскимъ духовенствомъ, такъ равно и въ средѣ свѣтскихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія въ духѣ Православной церкви.

Какъ извѣстно, Высочайше утвержденными 13 іюня 1884 г. правилами о церковно-приходскихъ школахъ образована особая служебная должность за наблюденіемъ правильной постановки и успѣшнаго хода учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ разнаго типа—это должность наблюдателя тѣхъ школъ. Съ того времени повсемѣстно въ нашей Руси изъ среды священниковъ образовался особый штатъ наблюдателей школъ, на которыхъ главнымъ образомъ возложена трудная и отвѣтственная обязанность по наблюденію за ходомъ и ростомъ народнаго образованія въ духѣ Православной церкви. На должность наблюдателей школъ въ каждомъ благочинническомъ округѣ (во всѣхъ уѣздахъ губерніи) былъ избранъ одинъ изъ священниковъ, болѣе другихъ своихъ собратьевъ знакомый и опытный въ дѣлѣ обученія дѣтей и въ приложеніи къ школѣ современныхъ педагогическихъ требованій,—словомъ, одинъ изъ заявившихъ себя честнымъ, усерднымъ и умѣлымъ тру-

женикомъ на этомъ поприщѣ. Но, съ теченіемъ времени, епархіальнымъ начальствомъ усмотрѣно было, что въ нѣкоторыхъ благочиннических округахъ, какъ слишкомъ растянутыхъ въ своихъ предѣлахъ, до 80 и болѣе верстъ изъ конца въ конецъ, одному наблюдателю не было физической возможности—въ продолженіи учебнаго года (не болѣе 6 учебныхъ мѣсяцевъ) два—три раза посѣтить каждую изъ подвѣдомственныхъ его наблюденію школъ, такъ что нѣкоторыя изъ крайнихъ и глухихъ уголковъ губерніи или уѣзда школы едва только разъ въ годъ могли видѣть у себя своего наблюдателя, да и то на очень малое время. Не всякій и благочинный, совершающій два раза въ годъ обязательный объѣздъ своего округа, заглядывалъ въ школу, какъ то прежде было, хотя каждый изъ нихъ и состоитъ членомъ уѣзднаго отдѣленія. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ благодатныхъ уголкахъ, наслаждавшихся полнымъ, невозмутимымъ ничѣмъ покоемъ, школьное обученіе шло прежнимъ—прадѣдовскимъ путемъ: священникъ сдалъ всю школу на руки грамотнаго учителя, чтобы не сказать образованнаго, и, ввѣривъ ему всѣ школьные документы, думалъ только о томъ, какъ бы учитель сполна получилъ положенное ему отъ общества жалованье, и по окончаніи учебныхъ мѣсяцевъ со словъ того же учителя составить годичный отчетъ по своей школѣ,—вотъ и вся дѣятельность отца завѣдывающаго школою. А чему учитель учитъ школьниковъ и какъ онъ ихъ учитъ—это не его дѣло: объ этомъ должно было вѣдать уѣздное отдѣленіе совѣта и его члены. При такихъ порядкахъ завѣдыванія школами, естественно, учитель-грамотѣй долженъ былъ волей-не-волей выносить всю школу, что называется, на своихъ плечахъ. Но кому прійдетъ охота пѣтъ на желудокъ голодный? И не рѣдко учители такихъ школъ, пропитывавшіеся отъ самыхъ сельчанъ, по очереди отъ каждаго двора, или бравшіе столъ у одного изъ родныхъ своихъ школьниковъ, и почти всегда вознагражденіемъ за свой трудъ зависѣвшіе отъ мѣстныхъ воротилъ общества и главныхъ его крикуновъ,—учители такихъ школъ всѣ силы свои прилагали не къ школѣ, а къ тому, какъ бы угодить воротиламъ общественнымъ,—какъ бы сдружиться съ ними, а для этого большую часть дня проводили не въ школѣ и за дѣломъ школьнымъ, а въ домахъ сельскихъ

верховодовъ, или въ сельской сборной избѣ (которыя прежде очень часто были избираемы въ другой половинѣ школьнаго зданія), въ дружеской и веселой съ ними бесѣдѣ. При этомъ учитель за свою школу былъ вполнѣ покоенъ: въ его школу никто изъ начальствующихъ не заглянетъ, особенно въ ненастные осенніе или въ бурные зимніе дни,—дѣти-школьники поручены надсмотру одного изъ старшихъ и бóльшихъ по возрасту дѣтей, который съ палкой въ рукахъ водворялъ миръ и школьную дисциплину въ школѣ. Понятно, что, при такихъ порядкахъ въ школѣ и отношеніи къ ней надзирающихъ и учащихъ, книжное обученіе шло весьма своеобразно и черепашьимъ шагомъ и къ концу учебнаго сезона едва-едва, пальчикомъ водя, по печатному могло читать дитя...

Такъ проходили мѣсяцы, проходили годы!.. И тѣ, кому вѣдать о томъ надлежало, все то знали, но пособить сему горю, въ силу разныхъ извинительныхъ и серьезныхъ обстоятельствъ, не могли, пока, наконецъ, не рѣшили разбить нѣкоторые благочиннические округи на участки и въ каждомъ изъ нихъ назначить особаго наблюдателя, поручивъ его вѣдѣнію 10—15 школъ. Такъ было и сдѣлано,—и прекрасно! Школы грамоты глухихъ деревень сразу стали на ноги: какъ завѣдывающіе школами, такъ равно и учители и школьники, словомъ, каждый взялся за свое дѣло. Правда, вначалѣ сего въ разныхъ сферахъ общества поднятъ былъ своеобразный концертъ, и каждый пѣлъ по своему: пѣли учителя, пѣло сельское населеніе,—и всѣ въ минорномъ тонѣ, запѣли и начальствующіе высшей сферы своимъ тономъ; но, къ счастію, при общемъ согласномъ пѣніи, когда всѣ спѣлись, тотъ концертъ затихъ и финаломъ его было: учившіе грамотѣ, убоясь великой премудрости книжной, съ позоромъ сами бѣжали на другое поприще житейской дѣятельности,—къ дѣтямъ въ школу явились болѣе или менѣе знакомые съ своимъ дѣломъ труженники, и въ школахъ явилось преподаваніе по изданной Св. Синодомъ программѣ,—явились педагогическія пріемы и начала въ школахъ жить настоящая школьная дисциплина.

Для большаго поднятія школъ и быстраго теченія въ нихъ книжнаго дѣла, по распоряженію Св. Синода, въ 1893 году была образована еще новая, высшая должность по наблюденію за цер-

ковными школами, такъ сказать, контроль надъ дѣятельностію окружныхъ наблюдателей,—это епархіальный наблюдатель школъ. Такимъ образомъ, благодаря быстро уложившемуся порядку на всемъ пространствѣ великой Русской земли, первоначальное народное образованіе широко разлилось по Руси: пастыри Церкви и учители школьные единодушно взялись за религіозное образованіе темнаго русскаго народа въ школахъ, за вкорененіе въ народѣ христіанской нравственности и распространеніе въ немъ умственнаго образованія. И тѣ школы, которыя дотолѣ сидѣли во тьмѣ и мракѣ невѣжества и полумертваго прозябанія, получивъ нормальный пульсъ жизни, ожили, преобразились и начали приносить свой плодъ! Всѣ крикуны и верховоды сельскіе отошли и затерлись въ массѣ населенія, произнесши по адресу школы свое послѣднее слово: «пусть будетъ, что будетъ»; народъ съ великимъ интересомъ началъ всматриваться въ свою деревенскую школу и въ ней онъ увидѣлъ, что дѣти его получаютъ въ ней не одну только грамотность, но и утвержденіе въ вѣрѣ, надеждѣ и любви христіанской,—что дѣти его въ ней не только учатся читать и писать, но учатся трудиться и жить по христіанскому закону, учатся любить и крѣпко хранить свою Вѣру, свою Церковь и свое Отечество.

Въ настоящее же время вышесказаннымъ предложеніемъ училищнаго совѣта объ избраніи кандидатовъ на новообразуемую должность уѣзднаго наблюдателя за церковными школами является вопросъ объ окружныхъ наблюдателяхъ. Одни положительно утверждаютъ, что должность окружнаго наблюдателя училищ. совѣтомъ предположено навсегда уничтожить, какъ бы излишнюю; другіе, напротивъ, доказываютъ, что этого быть не можетъ; въ противномъ случаѣ, т. е. кассированіемъ окружныхъ наблюдателей, будетъ сдѣлана училищнымъ совѣтомъ одна изъ крупныхъ ошибокъ въ жизни церковной сельской школы. Разсмотрѣніе настоящаго вопроса и составляетъ цѣль настоящей замѣтки. И въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ на это сказать? Чья сторона права? Быть или не быть окружнымъ наблюдателямъ церковныхъ школъ? Постараемся показать товаръ лицомъ.

Рѣшеніе настоящаго вопроса стоитъ въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ другаго, не менѣе важнаго, вопроса о церковныхъ школахъ, и изъ рѣшенія послѣдняго ясно будетъ видно рѣшеніе и перваго. Прежде нужно рѣшить: неужели наши церковныя сельскія школы стоятъ такъ прочно и на такой высотѣ, что, для наблюденія за ними, достаточно будетъ одного уѣзднаго наблюдателя, кромѣ епархіальнаго? Къ сожалѣнію, надо сказать правду, что до этого еще далеко, и объ этомъ можно только думать про себя. Возьмите, прежде всего, настоящій контингентъ учителей церковныхъ школъ,—контингентъ не совсѣмъ еще удовлетворительный. И кто учителя сихъ школъ? Въ большинствѣ—люди или домашняго образованія, или изъ военной школы (побилетные и отставные унтеры), или исключенные изъ низшихъ классовъ разныхъ училищъ, или окончившіе городскія и сельскія школы и проч. и проч. Все это люди, взявшіеся за дѣло школьное въ силу необходимости, въ виду безвыходного своего положенія, лишь бы какънибудь продолжить свое жизненное прозябаніе, въ надеждѣ на лучшее будущее,—люди не свѣдущіе въ учительствѣ (еще сами нуждающіеся въ учительствѣ), безъ нравственнаго устоя, безъ всякихъ взглядовъ на школу, ея задачи и требованія, о педагогическихъ же пріемахъ и неслыхавшіе,—иногда люди лѣнивые, упорные и, что всего хуже, развращенные... (объ этомъ хранятся дѣла въ совѣтѣ и въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ его). Позволительно спросить: что же сдѣлаетъ съ такими учителями одинъ уѣздный наблюдатель? Законоучитель—священникъ иногда человѣкъ болѣзненный, или старъ, или совсѣмъ въ такой должности, которая требуетъ частой отлучки изъ прихода и по нѣсколько дней сряду (напр. благочинные, слѣдователи духовные и др.),—преподаваніе Закона Божія поручается учителю, за школой никто не смотритъ; кто же тогда будетъ наблюдать за школой, руководить учителя и пр.? Уѣздный наблюдатель? Никогда.

Далѣе. Ни для кого не секретъ, что въ народѣ развились нетерпимые пороки: грабежи, хищенія и убійства, семейная жизнь его расшатывается, христіанская любовь уменьшается, а чаще всего даютъ себя видѣть: жестокость сердца, подкупъ, лжесвидѣтельство, клятвопреступленіе, буйство: все это стало частымъ

явленіемъ въ народѣ; а нетрезвость, нарушеніе пятой заповѣди Зак. Божія, нарушеніе уставовъ Православной церкви особенно развращающимъ образомъ дѣйствуютъ на массу сельскаго населенія. Противъ всего этого боролись и борются пастыри церкви съ церковной каѳедры и въ домашнихъ бесѣдахъ; противъ этого должна была возстать и возстала церковная школа. Въ этомъ великомъ дѣлѣ не малую долю долженъ былъ взять на себя и учитель школьный. Но послѣдній нерѣдко заявляетъ себя и даже открыто противникомъ дѣйствій пастыря. Не говоритъ ли иной законоучителю школы: «не ваше дѣло, батюшка, меня учить», когда священникъ ясно видитъ, что учитель его школы буквально разрушаетъ то, что онъ созидаетъ, а потому и принимаетъ вовремя свои мѣры? Къ кому пастырь долженъ обратиться на свѣжихъ порахъ за содѣйствіемъ, какъ не къ наблюдателю? Извольте же обращаться къ нему за 60—100 верстъ и мучительно выжидать его прибытія. Унять же учителя нѣтъ возможности; удалить его отъ должности завѣдывающій школою не имѣетъ права и можетъ подвергнуться отвѣтственности за превышеніе власти... Или: учитель пьянствуетъ въ школѣ, по вечерамъ созывая туда разныхъ возрастовъ людей, будто-бы, для репетиціи пѣвчихъ. Священникъ возстаетъ, протестуетъ, требуетъ прекращенія безобразій, а учитель преспокойно отвѣчаетъ ему: «вы, батюшка, мнѣ не начальникъ,—смотрите своего дѣла»! Разумѣется, священникъ доноситъ объ этомъ отдѣленію училищнаго совѣта, или своему наблюдателю, который сейчасъ же разслѣдуетъ дѣло, и полагаетъ ему конецъ. Такъ теперь; а тогда извольте ожидать нѣсколько недѣль, пока отдѣленіе совѣта распорядится поручить разслѣдовать дѣло уѣздному наблюдателю и объявитъ вамъ свое постановленіе. Однимъ словомъ, человѣку, въ вѣдѣніи котораго находится 10—15 школъ, всегда—скорѣе и удобнѣе вовремя изъять злое изъ школы, чѣмъ уѣздному наблюдателю, въ вѣдѣніи котораго болѣе 150 школъ, и мѣстопребываніе котораго отъ вашего пункта отстоитъ на то же число верстъ. Практика и проявленія школьной жизни даютъ намъ право сказать въ пользу необходимости окружныхъ наблюдателей.

Во вторыхъ, возможно ли допустить, чтобы уѣздный наблюдатела, въ вѣдѣніи котораго 150—200 церковныхъ школъ, въ

какіе нибудь пять мѣсяцевъ учебнаго времени могъ посѣтить хотя бы два раза всѣ школы своего уѣзда? Положительно невозможно. Но допустимъ, что это возможно. Скажите же, что это будетъ за ревизія школы, если уѣздный наблюдатель будетъ стараться проѣхать 50—70 верстъ въ день и посѣтить 5—8 школъ? Значитъ, лишьбы расписаться по школьнымъ книгамъ, что тогда то былъ на ревизіи? И отъ этой ревизіи ожидать пользы для школы? Нѣтъ и нѣтъ...

Въ третьихъ, пора уже установить и укрѣпить общій порядокъ въ жизни нашихъ церковныхъ школъ, т. е., по окончаніи учебнаго времени, обязательно долженъ быть произведенъ экзаменъ школьникамъ. Теперь нѣкоторые изъ болѣе усердныхъ окружныхъ наблюдателей такъ и дѣлаютъ. Послѣ праздника Пасхи, въ особо назначенные дни, наблюдатель, совмѣстно съ завѣдывающимъ школою и учителемъ, составивъ собою какъ бы комиссію, во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему школахъ производитъ испытаніе ученикамъ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, съ выводомъ общаго балла по каждому предмету и съ занесеніемъ его въ особый списокъ, который всѣми экзаменаторами и подписывается. Разумѣется, при подобномъ порядкѣ, какъ наблюдатель, такъ равно и завѣдывающій школою и учитель ясно видятъ, какъ у нихъ стоитъ школьное дѣло, на что слѣдуетъ обратить имъ особое вниманіе, дабы у школьниковъ не пропадало даромъ время, а равно и затраченные ихъ родителями трудовые гроши. Когда же всѣ школы уѣзда перейдутъ въ вѣдѣніе одного наблюдателя, то возможно ли будетъ тогда сохранить и укрѣпить этотъ порядокъ? Никогда. Положимъ, скажутъ намъ на это, что уѣздный наблюдатель можетъ поручить нѣкоторымъ священникамъ сдѣлать повѣрку знаній школьниковъ, т. е., произвести имъ экзаменъ. Но ожидать отъ этого пользы школамъ никакъ нельзя. Разныя отношенія къ завѣдывающимъ школами, какъ то: родственныя, сосѣдскія, подначальныя (напр. школа благочиннаго, его помощника, члена благоч. совѣта и пр.) всегда подскажутъ такому экзаменатору—нѣсколько изгладить шероховатость школьнаго дѣла той или иной школы и уѣздному наблюдателю представить результаты учебнаго дѣла въ тонѣ далеко

иномъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ есть. Какъ ни судите, а это правда,— и такого порядка допустить никакъ не слѣдуетъ.

Итакъ, какъ иные ни силятся доказать, что достаточно одного на уѣздъ наблюдателя школъ, а окружныхъ отмѣнить,—правда и польза должны быть прежде всего и у всѣхъ на первомъ мѣстѣ. Всѣ желающіе блага для церковной школы въ одинъ голосъ говорятъ въ пользу оставленія окружныхъ наблюдателей школъ. Увлекаться же матеріальностію—назначеніемъ одному наблюдателю приличнаго вознагражденія—по меньшей мѣрѣ не слѣдуетъ. Конечно, лучше одному лицу получить положенное вознагражденіе за труды, чѣмъ то дробить на нѣсколько лицъ; но при этомъ надо представить интересъ не отдѣльныхъ лицъ, а интересъ общій, такъ какъ погоня за приличнымъ гонораромъ почти всегда приводитъ къ печальнымъ результатамъ; надо предусматривать и здѣсь, дабы погоня за матеріальностію одного лица не привела наши школы въ то состояніе, въ какомъ онѣ были въ періодъ монгольскаго погрома Руси!...

Сельскій священникъ.

Извѣстія и замѣтки.

— Посѣщеніе его высокопреосвященствомъ нѣкоторыхъ церквей въ сквирскомъ уѣздѣ. 22 августа его высокопреосвященство Іоанникій митрополитъ кіевскій изволилъ ревизовать церкви 3 округа благочинія, сквирскаго уѣзда, въ селахъ: Молчановкѣ, Ружинской, Баламутовкѣ и м. Ружинѣ, гдѣ и ночевалъ. Прибывъ въ часъ по полудни въ Молчановку, Владыка былъ встрѣченъ прихожанами, поднесшими ему хлѣбъ-соль, а затѣмъ настоятелемъ прихода съ пятью сосѣдними священниками и діакономъ; приложившись ко кресту, а затѣмъ къ св. престолу, и осмотрѣвши внутренность храма, Владыка обратилъ особое вниманіе на его темноту, убогую обстановку и тѣсноту, сравнительно съ количествомъ православнаго населенія (2328 душъ об. п.). Изъ отвѣтовъ приходскаго священника и поясненій мѣстнаго благочиннаго оказалось, что церковь эта построена въ 1822 году, умершимъ свя-

щенникомъ В. Василевскимъ на собственныя его средства, изъ стараго матеріала упраздненной Ружинской церкви, существовавшей съ 1760 по 1821 годъ. Крестьяне же, въ виду того, что нынѣшняя церковь досталась имъ даромъ, надѣются, что найдется еще такой благодѣтель, который построитъ имъ новую церковь и теперь, безъ всякихъ съ ихъ стороны жертвъ, а потому не только не думаютъ о постройкѣ новой, болѣе просторной и благолѣпной церкви, но отказываются даже существующую расширить тремя придѣлами, на что мѣстнымъ причтомъ и церк. старостою испрошено, еще въ ноябрѣ 1892 года, разрѣшеніе отъ епархіальнаго начальства, по плану утвержденному строительнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія, и съ употребленіемъ на сей предметъ 2000 руб. изъ церковныхъ суммъ, хранящихся въ сквирской сберегательной кассѣ. Такая холодность и безучастное отношеніе прихожанъ къ своему храму видимо опечалили нашего, любящаго благолѣпіе домовъ Божіихъ, Архипастыря, который тутъ же велѣлъ благочинному донесть ему о семъ особымъ рапортомъ, а прихожанамъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «вотъ сколько я уже проѣхалъ селъ, въ скольких святыхъ церквахъ я ни былъ, а такой церкви какъ ваша еще не видалъ: и старая она, и темная, и убогая, и свѣта въ ней мало, а главное—она очень тѣсна. 73 года тому назадъ, когда строилась эта церковь и когда васъ было меньше, вы могли помѣщаться и молиться въ ней; а теперь, когда народонаселеніе увеличилось, она стала тѣсною, и потому, православные, вамъ пора подумать о постройкѣ новой. Вы говорите, что кому тѣсно въ церкви, тотъ можетъ и подъ церковью помолиться и послушать, что читаютъ и поютъ въ церкви; но, вѣдь, не всегда бываютъ такіе свѣтлые и теплые дни какъ сегодня, а бываетъ такъ, что во время совершенія службъ церковныхъ идетъ дождь или снѣгъ и дуетъ порывистый и холодный вѣтеръ. Тогда подъ церковью стоять совсѣмъ неудобно и можно простудиться, да и молитва внѣ храма неодинаково дѣйствуетъ на душу человѣка. Вамъ построилъ церковь добрый человѣкъ, а вы хотите, чтобы кто нибудь даромъ построилъ вамъ ее и теперь? Нѣтъ, теперь вы сами приложите стараніе и постройте себѣ церковь». Но когда сельскій староста отъ лица прихожан отвѣтилъ, что общество не желаетъ строить

церкви, то Владыка еще болѣе огорчился, и сказалъ: я употреблю все свое стараніе къ тому, чтобы чрезъ высшее гражданское начальство побудить васъ начать постройку новой церкви. За симъ, благословивъ народъ, Архипастырь вышелъ изъ церкви и, по просьбѣ настоятеля оной, посѣтилъ его домъ. Проходя чрезъ садикъ Владыка обратилъ вниманіе на небольшую пасѣку священника, состоящую изъ 18 рамочныхъ ульевъ, а въ домѣ—на нѣсколько пейзажей и картинъ, писанныхъ на холстѣ сыномъ настоятеля, ученикомъ 6 класса Кіевской духовной Семинаріи Ѳеодоромъ Трегубовымъ. Преподавъ благословеніе семьѣ настоятеля и присутствовавшимъ въ домѣ, Владыка отбылъ въ слѣдующее село—Баламутовку. Здѣсь Архипастыря встрѣтили прихожане и мѣстный волостной старшина также съ хлѣбомъ-солью, а дѣти прихожанъ посыпали ему путь къ церкви живыми цвѣтами. Осмотрѣвъ храмъ, Владыка спросилъ настоятеля: сколько у него прихожанъ и давно ли построена церковь? По количеству православнаго населенія (1545 душъ), Архипастырь и здѣсь призналъ церковь тѣсною и предложилъ настоятелю и прихожанамъ расширить оную, продолживъ западную сторону храма до колокольни, съ которою его очень удобно соединить. Соглашаясь съ указаніемъ Архипастыря, о. Ѳ. Ерофеевъ доложилъ, что онъ озабоченъ въ настоящую пору изысканіемъ средствъ на передѣлку иконостаса, который, по ветхости, неискусной иконописи и несоразмѣрности частей своихъ съ шириною и высотою настоящаго храма, не отвѣчаетъ своему назначенію. «И то и другое необходимо сдѣлать, отвѣтилъ Владыка, оглянувши иконостасъ; но поелику церковь вмѣщаетъ менѣе 500 душъ, а болѣе 1000 лишены возможности участвовать въ церковной молитвѣ, то цѣлесообразнѣе будетъ прежде всего озаботиться о расширеніи храма, а затѣмъ и внутреннемъ его благоукрашеніи». Одаривъ дѣтей крестиками и благословивъ народъ, Архипастырь, по просьбѣ приходскаго священника, зашелъ и къ нему въ домъ и послѣ небольшаго отдыха отбылъ въ сосѣдній приходъ—мѣст. Ружинъ. Здѣсь съ ранняго утра ожидала Владыку многочисленная толпа православныхъ прихожанъ, римско-католиковъ и евреевъ. Въ устраненіе пыли, которую поднималъ народъ, сопровождавшій своего Архипастыря, весь путь, отъ подъѣзда до

самой церкви, былъ устланъ свѣжимъ татарскимъ зельемъ и живыми цвѣтами, которые разбрасывались учениками и ученицами мѣстнаго двухкласснаго училища, при самомъ шествіи Владыки. Въ половинѣ 5 часа звонъ во всѣ колокола возвѣстилъ заколыхавшейся толпѣ о приближеніи дорогаго и рѣдкаго гостя, каковаго Ружинъ не видалъ уже ровно 30 лѣтъ; всѣ обнажили головы и, завидѣвъ экипажъ, радостно передавали другъ-другу: Владыка ѣдетъ. Въ это время предъ церковными вратами, съ правой стороны ихъ, расположились почетнѣйшіе прихожане съ хлѣбомъ и солью, а съ противоположной—лѣвой представители еврейскаго общества съ тортомъ, украшеннымъ искусственными цвѣтами. При выходѣ изъ экипажа встрѣтилъ Владыку низкимъ поклономъ мѣстный благочинный, онъ же и настоятель прихода священникъ В. Р., а за нимъ поклонилась первосвятителю земли кіевской и вся толпа. Принявъ благословеніе Владыки, настоятель при словахъ: се азъ и дѣти яже мы даде Богъ, подвелъ его къ представителямъ отъ прихода, при чемъ сельскій староста Романъ Кажукало привѣтствовалъ его высокопреосвященство въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «всерадостно привѣтствуемъ ваше высокопреосвященство съ благополучнымъ прибытіемъ въ нашу весь и смирнѣйше просимъ осчастливить насъ принятіемъ хлѣба-соли и своимъ архипастырскимъ благословеніемъ». Благословивъ хлѣбъ и прихожанъ, Владыка посмотрѣлъ на лѣвую сторону и спросилъ: а это кто,—евреи? «Да, отвѣтилъ настоятель, *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя ми подобаетъ привести, да гласъ твой услышатъ, Владыко*». Возложивъ руку на хлѣбъ, Владыка преподалъ евреямъ наставленіе, какъ слѣдуетъ вести себя въ отношеніи господствующаго населенія, и совѣтовалъ жить миролюбиво съ крестьянами, памятуя, что всѣ мы дѣти Единаго Бога. Въ церкви Владыка былъ встрѣченъ помощникомъ благочиннаго съ пятью священниками и 3 діаконами, при пѣніи мѣстнымъ хоромъ архіерейскаго: достойно есть. Окропивши себя св. водою и поцѣловавъ св. крестъ, Архипастырь прошелъ въ св. алтарь, гдѣ, приложившись сперва къ св. престолу, а потомъ къ мѣстно чтимой чудотворной иконѣ Божіей Матери, осматривалъ принадлежности св. престола, жертвенника, новоустроенные придѣлы храма и свѣчной ящикъ, при

чемъ изволилъ освѣдомиться у церковнаго старосты, сколько продается имъ въ годъ свѣчей и сколько имѣется въ наличіи церковной суммы? На отвѣтъ старосты, что въ годъ продается свѣчей отъ 8 до 9 пуд., Владыка сказалъ: мало! а на отвѣтъ, что церковной суммы имѣется 190 руб., Владыка замѣтилъ: хотя по § 30 старост. инструкціи и дозволяется имѣть въ церкви до 200 руб., но безопаснѣе хранить ихъ въ сберегательной кассѣ, а то, если ихъ уворуютъ, заплотишь своимъ имуществомъ. Староста доложилъ его высокопреосвященству, что въ скоромъ времени ему предстоитъ покупка къ празднику храмовому свѣчей, а затѣмъ сдача церковныхъ отчетностей, на каковыя потребности будетъ еще мало этой суммы, такъ какъ при отчетностяхъ ежегодно расходуется не менѣе 150 рублей. За симъ, преподавъ благословеніе народу и крестики дѣтямъ-школьникамъ, его высокопреосвященство изволилъ посѣтить домъ приходскаго священника, гдѣ и ночевалъ, согласно маршруту. Отдохнувъ немного, его высокопреосвященство пожелалъ, послѣ дневнаго зноя, освѣжиться вечернею прогулкою, въ довольно обширномъ и тѣнистомъ саду священника Радецкаго, съ которымъ изволилъ бесѣдовать о прискорбномъ случаѣ дерзкаго похищенія евреями въ м. Паволочи выкрещенной еврейки, состоявшей въ замужествѣ за сыномъ псаломщика села Макаровки. Владыка, затѣмъ, любовался въ саду прекрасно уродившими въ этомъ году молодыми яблонями и грушами,—осматривалъ огородину, токъ и постройки хозяйственныя, относительно коихъ замѣтилъ, что они слишкомъ скучены и расположены вблизи жилаго дома, что не безопасно въ пожарномъ отношеніи и что великороссы, при устройствѣ хозяйственныхъ службъ, поступаютъ гораздо практичнѣе малороссовъ, располагая свои риги и овины съ хлѣбомъ подальше отъ жилыхъ домовъ. Освѣжившись прогулкой, Владыка изволилъ пить чай, а въ 8 часовъ былъ поданъ ужинъ; за трапезой Владыка запросто бесѣдовалъ съ имѣвшими счастье участвовать въ оной, и былъ въ высшей степени ласковъ и доступенъ. На другой день, 24 августа, его высокопреосвященство изволилъ слушать совершенную приходскимъ священникомъ В. Р. Божественную литургію, на которой присутствовала масса богомольцевъ какъ мѣстныхъ, такъ и прибывшихъ въ Ружинъ, по случаю базарнаго дня. Просторный и

свѣтлый каменный храмъ, недавно выкрашенный внутри и снаружи масляными красками, величественный 5-ти ярусный, старинной работы, иконостасъ, безукоризненная чистота, отчетливое священнослуженіе, стройное пѣніе мѣстнаго ученическаго хора, состоящаго изъ 30 человѣкъ, и масса народа, повсюду сопровождавшая святителя своего,—видимо произвели на Архипастыря благопріятное впечатлѣніе. Принявъ отъ настоятеля прихода св. просфору и преподавъ ему свое благословеніе, Владыка изволилъ приложиться къ св. престолу и къ чудотворной иконѣ, а затѣмъ, благословивъ народъ и пѣвчихъ, коимъ роздалъ серебренные крестики, вышелъ изъ церкви при пѣніи тропаря: «Заступнице усердная» и при звонѣ колоколовъ. По просьбѣ мѣстнаго землевладѣльца, полковника Злотницкаго, его высокопреосвященство изволилъ посѣтить и его домъ, гдѣ радушный хозяинъ угощалъ Архипастыря чаемъ и завтракомъ, послѣ коего, въ 11 часовъ дня, высокопреосвященнѣйшій Владыка, напутствуемый благожеланіями всѣхъ присутствовавшихъ, благополучно отбылъ въ с. Войтовцы, бердичевскаго уѣзда. Свящ. *В. Радецкій.*

— **Торжество освященія новаго школьнаго зданія двухклассной церковно-приходской школы въ м. Спиченцахъ, бердичевскаго уѣзда.** Не такъ давно—въ м. Спиченцахъ, съ рѣдкимъ для захолустья торжествомъ, отпраздновано было освященіе новаго зданія двухклассной церковно-приходской школы. На этотъ праздникъ были приглашены: членъ училищнаго епархіальнаго совѣта, чиновникъ особыхъ порученій Оберъ-прокурора Св. Синода, В. М. Сворцовъ, епархіальный инспекторъ церковныхъ школъ, священникъ о. Левицкій, секретарь бердичевскаго отдѣленія училищнаго совѣта о. Роткевичъ, благочинный и болѣе 10 душъ священниковъ, а также и мѣстныя должностныя лица. Въ м. Спиченцахъ школа существуетъ 30 лѣтъ, со времени блаженной памяти митрополита Арсенія, когда открыта была приходская церковная школа молодымъ священникомъ, нынѣ уже почтенныхъ лѣтъ пастыремъ, о. Лаврентіемъ Бутовскимъ. Владѣлецъ имѣнія, графъ Генрихъ Станиславовичъ Тышкевичъ въ теченіи 10 лѣтъ вносилъ потребную сумму на школьное дѣло, вслѣдствіе чего представилось теперь возможнымъ спичинецкую школу преобразовать и въ двухклассную. Когда ста-

рое зданіе сдѣлалось тѣснымъ и несоотвѣтственнымъ количеству учащихся, священникъ завѣдующій школою, заявилъ владѣльцу о необходимости постройки новаго зданія; графъ Тышкевичъ тутъ же внесъ крупную сумму для начала постройки новаго зданія. За живое содѣйствіе къ народному образованію и сочувствіе церковнымъ школамъ, Св. Синодъ, по представленію епархіальнаго начальства, еще въ 1885 году утвердилъ графа Г. С. Тышкевича почетнымъ попечителемъ спичинецкой школы; это представляетъ собою единственный примѣръ въ нашемъ краѣ,—что попечителемъ церковной школы является владѣлецъ католикъ.

Новое зданіе спичинецкой школы—деревянное, на каменномъ фундаментѣ, подъ желѣзной крышей, имѣетъ болѣе 10 свѣтлыхъ просторныхъ комнатъ; все школьное помѣщеніе имѣетъ 43 арш. въ длину, 28 въ ширину и 5 аршинъ въ высоту,—свѣтло и прекрасно устроено. Постройка обошлась до 5 тысячъ рублей. Квартиры для учителей—въ двѣ небольшія комнаты, съ отдѣльными кухнями и хозяйственными службами. По срединѣ, во всю длину зданія, идетъ широкій корридоръ, въ которомъ дѣти въ перемѣны между уроками могутъ подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ и заниматься гимнастикой. Среди убогихъ нашихъ сельскихъ школъ, зданіе спичинецкой школы производитъ отрадное впечатлѣніе и по справедливости можетъ считаться образцовымъ. Постройку производилъ хозяйственнымъ способомъ самъ священникъ; начавъ весною, онъ успѣлъ окончить ее къ новому учебному году. Около зданія школы разводится садикъ. Будущею весною предполагается строить общежитіе для учениковъ, вдали отъ школы живущихъ. Нельзя не замѣтить, по этому случаю, и того, какъ мало въ крестьянскихъ обществахъ развитъ интересъ къ школьному дѣлу. Спичинецкое общество высказало удивительное равнодушіе при постройкѣ новой школы,—замѣчалось даже противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ невѣждъ, внушавшихъ населенію, что батюшка «дуже велыку школу строить; не треба намъ такои; въ маленькой де буде теплѣе дѣткамъ»; а другіе говорили: «ласковый панъ и добрый батюшка все сами зроблять». Съ трудомъ, и то при посредствѣ мироваго посредника, можно было привлечь крестьянъ къ подвозкѣ

воды и глины и другихъ матеріаловъ на постройку школьнаго зданія..

Школьный праздникъ освященія школы привлекъ, однако же, все село; крестьяне, видимо, были рады новой школѣ. Торжество освященія началось совершеніемъ литургіи, на которой прекрасно пѣлъ хоръ пѣвчихъ, славящійся на весь уѣздъ. Спичинецкій церковный хоръ—плоды той же школы и самое любимое дѣтище о. Бутовскаго. Послѣ освященія зданія, въ залѣ школы состоялось торжественное засѣданіе, въ присутствіи духовенства, мѣстной администраціи, сельскихъ властей и представителей крестьянскаго общества. Завѣдующій школою о. Бутовскій кратко сообщилъ собранію исторію школы и постройки новаго зданія и благодарилъ гостей за посѣщеніе. В. М. Скворцовъ сказалъ рѣчь къ собранію и народу о значеніи церковно-школьной грамотности и въ симпатичныхъ чертахъ охарактеризовалъ почтенные труды и заслуги для просвѣщенія мѣстнаго сіятельнаго попечителя школы, владѣльца графа Тышкевича. Говоря о просвѣщенной дѣятельности на пользу мѣстнаго крестьянскаго населенія со стороны владѣльца, В. М. Скворцовъ сказалъ, что, графъ Генрихъ Станиславовичъ являетъ собою образецъ, достойный подражанія и глубокихъ симпатій; наше общее русское спасибо польскому высокопросвѣщенному магнату, ставящему свѣтъ истины и просвѣщенія массъ выше извѣстныхъ односторонних настроеній окружающей польской среды. Обращаясь затѣмъ къ отцу Бутовскому, В. М. Скворцовъ говорилъ, что въ похвалу приходскаго пастыря краснорѣчивѣе словъ говорятъ—30-лѣтняя исторія спичинецкой школы, его чудный хоръ, благолѣпный храмъ и истовое богослуженіе въ немъ, а, затѣмъ, наконецъ, и эти самыя стѣны новаго прекраснаго зданія; въ заключеніе В. М. Скворцовъ пожелалъ о. Лаврентію продолжать «на многія лѣта» святое дѣло школьнаго просвѣщенія. Народу чиновникъ Скворцовъ въ той же рѣчи внушалъ цѣнить школу и то добро, которое сдѣлали для нихъ добрый панъ и батюшка. «Народъ православный! вы паче всего и больше всего любите и цѣните свои житницы, наполненныя хлѣбомъ, говорилъ г. Скворцовъ; представьте же себѣ, что и эта школа для вашихъ дѣтей—также житница, но наполненная не тѣми сокровищами,

что татіе крадутъ и тля тлитъ, а сокровищами духовными, небесными, полезными *на вся, яже къ животу и благочестію*». Выяснивъ, затѣмъ, тѣ блага, которыя школа и грамота несутъ темному народу, В. М. Скворцовъ посовѣтовалъ присутствовавшимъ здѣсь школьникамъ, при выходѣ изъ школы въ жизнь, на память о ней и въ благодарность воспитавшимъ ихъ дѣятелямъ, дать и блюсти какой либо добродѣтельный обѣтъ, какъ напримѣръ, не курить табаку, воздерживаться отъ пьянства и сквернословія, не ходить во всю жизнь въ кабакъ и проч.; «тогда и другіе, сказалъ В. М. Скворцовъ, будутъ знать по вашимъ добрымъ дѣламъ, какой хорошей школы вы питомцы и будутъ прославлять этотъ храмъ просвѣщенія; а ваша добрая жизнь создастъ нерукотворный памятникъ почтеннымъ устроителямъ и руководителямъ этой школы». Простая задушевная рѣчь В. М. Скворцова произвела глубокое впечатлѣніе. Вслѣдъ за тѣмъ говорилъ одушевленную рѣчь свящ. Словачевскій о трудностяхъ, преодолѣваемыхъ духовенствомъ на поприщѣ школьномъ. Послѣ того, принесены были привѣтствія строителямъ и народу епархіальнымъ наблюдателемъ и членомъ отдѣленія. Послѣ засѣданія, здѣсь же въ новомъ зданіи школы предложено было крестьянамъ угощеніе, которое раздѣлили съ ними и почетные гости. Первую чарку В. М. Скворцовъ поднялъ за здравіе Державнаго Вождя Отечества, Государя Императора, еще такъ недавно высказавшаго щедрую милость церковно-приходскимъ школамъ, отпустивъ на ихъ содержаніе свыше 3 милліоновъ рублей. Крестьяне отвѣчали громкими криками «ура», а хоръ исполнилъ гимнъ: «Боже царя храни». Вслѣдъ за тѣмъ, В. М. Скворцовымъ провозглашена была здравица за строителей школы графа Тышкевича и священника о. Бутовскаго, за процвѣтаніе училища, за отцовъ, посылающихъ въ школу своихъ дѣтей, и за все крестьянское населеніе мѣстечка. Школьный праздникъ оставилъ въ населеніи и въ дѣтяхъ самое радостное настроеніе. Онъ, несомнѣнно, долго будетъ храниться въ памяти народа. Въ 4 часа въ квартирѣ священника предложена была гостямъ трапеза, во время которой пѣлъ хоръ школьный. Во время обѣда говорились рѣчи и произносились тосты, въ томъ числѣ за благопопечительнаго къ духовнымъ и школьнымъ нуждамъ Архипастыря, кіевскаго ми-

трополита Іоанникія и епископа Іакова, председателя совета, за Оберъ-прокурора Св. Синода и его Товарища, за В. М. Скворцова, за графа Тышкевича и заведующаго школою священника Бутовскаго, за духовенство приходское, съ такимъ усердіемъ несущее безмездный тяжелый трудъ школьный. Коснувшись въ тостѣ за духовенство новаго благовниманія правительственнаго къ церковной школѣ, выразившагося въ ассигнованіи крупной суммы на церковно-школьное дѣло, чиновникъ особыхъ порученій Оберъ-прокурора Св. Синода сказалъ, между прочимъ, что теперь и враги и друзья церковной школы еще прилежнѣе будутъ смотрѣть на школьное дѣло ваше: одни радуясь, а другіе ища на просвѣтлѣвшемъ нынѣ горизонтѣ облаковъ, и не преминутъ, конечно, всякій разъ возводить ихъ въ грозныя тучи...

Усилія и бдительность со стороны духовенства должны быть нынѣ усугублены паче прежняго. Духовенство съ своими церковными школами переживаетъ моментъ историческій, въ высшей степени знаменательный; отнынѣ церковно-школьное дѣло стало твердою стопою на свою почву и никогда бы уже не должно имѣть поворота, колебаній и отступленія назадъ. Но не дай Богъ духовенству этотъ моментъ какъ нибудь упустить, или ослабить дѣло, хотя бы въ частяхъ, или въ отдѣльныхъ случаяхъ и мѣстахъ; враги возопіютъ, увидѣвъ, и не простятъ и не опустятъ ничего въ своихъ стремленіяхъ—подорвать педагогическій авторитетъ духовенства, съ цѣлью отнять школьнообразовательную миссію изъ его рукъ, какъ это было еще такъ недавно. А если разъ выбьютъ насъ изъ занятой нынѣ позиціи, то возврата придется ждать долго; такіе историческіе моменты, какъ эпоха въ Бозѣ почившаго Императора Александра III-го, рѣдко повторяются; а исторія ошибокъ и упущеній не прощаетъ. Тостъ за процвѣтаніе школьной дѣятельности духовенства принятъ былъ всѣми съ особымъ сочувствіемъ. Въ настоящее время въ спичинецкой школѣ до 150 душъ; въ прошломъ году выпущено со льготою по воинской повинности около 30 душъ. Нѣкоторые изъ учениковъ этой школы поступаютъ въ среднія учебныя заведенія; другіе идутъ въ учителя школъ грамоты. Епархіальное начальство постановило: преобразовать спи-

чинецкую школу въ двухклассную, а попечитель школы и учредитель предполагаютъ открыть въ ней и ремесленный классъ. *В. С.*

— 29 сентября въ одной изъ аудиторій Московской Духовной Академіи, въ 5 час. вечера, состоялся **магистерскій диспутъ** (коллоквіумъ) смотрителя черкасскаго духовнаго училища, Кл. Ант. Чемены. Диспутантъ, сынъ протоіерея изъ подольской епархіи, въ 1889 году окончилъ курсъ въ Кіевской Духовной Академіи и оставленъ былъ при ней профессорскимъ стипендіатомъ; затѣмъ, въ 1890 году былъ назначенъ преподавателемъ въ Тульскую духовную семинарію, а въ 1893 году—смотрителемъ вышеозначеннаго духовнаго училища. Магистерская диссертація его носитъ такое заглавіе: *Происхожденіе и сущность ессейства. Опытъ историко-критическаго изслѣдованія.* Оффиціальными оппонентами были: профессоръ А. П. Смирновъ и доцентъ В. Н. Мышцынъ. Изъ нихъ первый возражалъ, главнымъ образомъ, противъ несоотвѣтствія заглавія содержанію диссертаціи, а послѣдній указывалъ частные недостатки ея. По окончаніи преній, защита единогласно признана была удовлетворительною, и совѣтъ постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи К. А. Чемены въ искомой степени. На диспутѣ присутствовалъ и ревизующій Академію дѣйств. ст. сов. П. И. Нечаевъ.

— **Чудесное исцѣленіе профессора Доробца.** Случай исцѣленія отъ сикоза, о которомъ было сообщено въ № 263 «Моск. Вѣдом.», естественно вызвалъ много толковъ среди читающей публики, особенно въ виду того объясненія, которое было дано самому факту со стороны предсѣдателя московскаго общества невропатологовъ А. Я. Кожевникова; но фактъ чудеснаго исцѣленія остается налицо во всей его величественной простотѣ. Больной безуспѣшно лѣчится у авторитетовъ медицинской науки почти годъ; слышалъ неутѣшительное предсказаніе что болѣзнь его можетъ затянуться на 18 лѣтъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ пройти вдругъ. Наконецъ, не видя ни откуда помощи, больной рѣшается послѣдовать совѣту простой женщины—придти утромъ вмѣстѣ съ нею въ храмъ Божій, гдѣ она читаетъ около него краткую молитву, начинающуюся обращеніемъ къ Пресвятой Богородицѣ,—и въ тотъ же день бывшій тяжко больной—здоровъ.

Фактъ чудеснаго исцѣленія больнаго силою молитвы такъ разителенъ, что никакія хитросплетенныя объясненія не могутъ набросить ни малѣйшей тѣни на его достовѣрность. Самъ исцѣленный сообщаетъ намъ описаніе совершившагося надъ нимъ чуда съ искреннею вѣрой въ то, что онъ всецѣло обязанъ своимъ выздоровленіемъ милости Всемогущаго Бога, повелѣвающаго силами и законами самой природы. Докторъ медицины *И. Н. Кацауровъ*.

— **Древніе памятники христіанства въ Крыму.** Крымскій полуостровъ въ 1890 году обогатился великолѣпнымъ храмомъ, сооруженнымъ на мѣстѣ древняго города Корсуня, гдѣ св. князь Владиміръ, въ 988 году, принялъ крещеніе. Кромѣ этого храма, въ Крыму весьма много древнихъ памятниковъ христіанства. Сюда въ 96 году былъ сосланъ св. Климентъ, епископъ римскій, и, по сказанію лѣтописцевъ, нашелъ здѣсь болѣе 2,000 чел. христіанъ. Онъ усердно проповѣдывалъ слово Божіе и, ко дню его мученической кончины, въ 104 г., насчитывалось на полуостровѣ уже 75 христіанскихъ общинъ, имѣвшихъ свои храмы, высѣченные внутри горъ. Нѣкоторые изъ этихъ храмовъ сохранились до нашихъ дней: древнѣйшимъ изъ нихъ оказывается Инкерманскій. Въ 1852 г. преосвященный Иннокентій, архіеп. таврическій, учредилъ при этихъ храмахъ киновію, а большой храмъ пріурочилъ къ богослуженію, поставивъ въ немъ иконостасъ, пожертвованный военнымъ вѣдомствомъ. Въ 1867 г. извѣстный московскій храмоздатель И. И. Четвериковъ пригласилъ археолога-художника Д. Струкова для расчистки и реставраціи храма, при чемъ, согласно характеру архитектуры церкви, устроенъ новый иконостасъ, басменный (?). Въ 1880 г., въ память посѣщенія этихъ храмовъ Цесаревною Маріею Θеодоровною, неизвѣстные благотворители обновили малый храмъ. Кромѣ Инкермана долбленные храмы, по сообщенію «Церков. Вѣд.», сохранились еще въ скалахъ: Мангунѣ, Тепе-Кермени, Черкесъ-Кермени, Бахчисараѣ, Шули, Ай-Тодорѣ и др. Много также храмовъ, существующихъ болѣе 1000 лѣтъ, имѣется въ Алуштѣ, Ай-Давѣ, Мангунѣ, Портенутѣ, Судакѣ (Сурожѣ) и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ Сурожѣ въ концѣ VIII вѣка жилъ и скончался угодникъ Божій св.

Стефанъ, епископъ сурожскій (память 15 декабря). Мѣстность, гдѣ находился древній Сурожъ (нынѣ Судакъ), покрыта остатками стѣны, на подобіе московскаго Кремля. Въ XIV вѣкѣ верхняя часть зданія передѣлана генуэзцами; въ XVIII столѣтіи здѣсь помѣщалась мечеть, а затѣмъ—полковой храмъ. Теперь отъ прежняго зданія сохранились только рельефныя украшенія вокругъ входной двери и одного окна. Въ Портенутѣ, у подошвы горы Ай-Дагъ, жилъ святитель Іоаннъ, епископъ готескій. Онъ построилъ храмъ, въ которомъ и погребенъ. Остатки этого храма въ 1871 году открыты подъ дорогою, при чемъ найденная на камнѣ надпись свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ храмъ сооруженъ въ честь святыхъ апостоловъ. («Кіевл.»)

— **Объ изданіи противосектантскаго журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“.** Въ одномъ изъ октябрскихъ своихъ засѣданій Св. Синодъ обсуждалъ проэктъ чиновника особыхъ порученій Синодальнаго Оберъ-Прокурора, В. М. Скворцова, о необходимости, для возвышенія успѣховъ миссіонерскаго дѣла, основать специальный органъ миссіи. Признавъ такой журналъ полезнымъ, Св. Синодъ разрѣшилъ изданіе его въ Кіевѣ, съ января 1896 г. подъ названіемъ «Миссіонерское Обозрѣніе», утвердивъ В. М. Скварцова редакторомъ миссіонерскаго журнала.

Необходимость печатнаго органа противосектанской миссіи авторитетно признана была еше въ 1891 г. на 2 всероссійскомъ Миссіонерскомъ съѣздѣ. Раціоналистическія секты, существующія въ видѣ старихъ толковъ—духоборства, молоканства, жидовства и въ новыхъ формахъ штунды, пашковщины,—а также мистическія—хлыстовство скопчество и др., не только не ослабѣваютъ, но въ общемъ изъ года въ годъ крѣпнутъ въ своей организаціи и ухищреніяхъ противъ церкви,—растутъ въ своей численности и тлетворномъ вліяніи на окружающее православное населеніе,—особенно это нужно сказать о штундо-баптизмѣ, успѣвшемъ проникнуть за короткое время своего появленія въ 30 губерній; врагъ дѣйствуетъ противъ родного Православія хитро сплоченною ратью; между тѣмъ, приходское духовенство, на которомъ лежитъ весь центръ тяжести и успѣха миссіонерскаго дѣла, по охраненію православныхъ чадъ церкви отъ увлеченія лжеученіями и вразумленію заблудшихъ, а

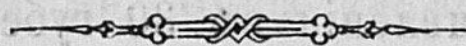
равно и миссіонеры дѣйствуютъ разрозненно: въ одной епархіи часто не извѣстны ни ходъ дѣла, ни мѣры, ни способы борьбы, практикуемые въ другой. Хотя печатается по обличенію сектанства не мало статей въ послѣдніе годы, но весь матеріалъ печатный по сектанству и миссіи разбросанъ по разнымъ изданіямъ, такъ что услѣдить за нимъ не только приходскимъ пастырямъ, но и миссіонерамъ спеціалистамъ весьма трудно. Заграницею, не только католическія и протестантскія исповѣданія, но и всякая секта имѣетъ свой органъ; у насъ въ этомъ отношеніи былъ видимый пробѣлъ. Этотъ пробѣлъ въ дѣлѣ миссіи долженъ восполнить новый органъ противосектанской миссіи нашей церкви, на который мы и обращаемъ вниманіе пастырей. Составленная программа новаго органа всесторонне обнимаетъ миссіонерское дѣло, такъ что новый журналъ, надо надѣяться, дастъ дѣятелямъ миссіи обильный матеріалъ для успѣшнаго выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей въ отношеніи церкви и отечества. Важнымъ подспорьемъ для духовенства является приложеніе катихизическихъ поученій и Миссіонерскіе листки.

Въ изданіи принимаютъ участіе профессора Академіи, наставники семинарій по каѳедрѣ обличенія раскола, спеціалисты,—и миссіонерствующіе пастыри и миссіонеры.

Опытность въ миссіонерскомъ дѣлѣ и сектовѣденіи редактора новаго журнала ручается за успѣхъ изданія; цѣна назначена скромная. (5 р.)

Въ числѣ другихъ задачъ, «Миссіонерское Обозрѣніе» будетъ всемѣрно охранять и попираемый сектантами авторитетъ служителей алтаря Господня.

Неоффиціальной части редакторъ, Прот. *Павелъ Троицкій.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

ПРОТИВОСЕКТАНТСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ.

—

По мысли 2-го всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, митрополита кіевскаго, по утвержденной Св. Синодомъ программѣ, съ января 1896 года, въ Кіевѣ разрѣшено издавать духовный журналъ—

„МИССІОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Новое періодическое изданіе посвящается дѣлу, такъ называемой, внутренней—по преимуществу, **противосектантской миссіи** отечественной Церкви, въ борьбѣ ея съ раціоналистическимъ и мистическимъ сектантствомъ, существующимъ среди православнаго населенія многихъ епархій, то въ видѣ старыхъ сектъ—духоборства, молоканства, жидовста, то въ новѣйшихъ формахъ—штунды, баптизма, пашковщины, толстовщины, а также въ видѣ тайныхъ сектъ—хлыстовства, шелопутства, мормонства, скопчества и др.

«Миссіонерское Обозрѣніе» является спеціальнымъ органомъ, посредствомъ котораго православные противо-сектантскіе миссіонеры и миссіонерствующіе пастыри, разрозненно дѣйствующіе въ различныхъ мѣстахъ и условіяхъ, найдутъ возможнымъ установить тѣсную между собою связь, вести дѣятельный обмѣнъ своими наблюденіями и мнѣніями о наилучшихъ и болѣе вѣрныхъ способахъ и средствахъ духовной борьбы съ сектантствомъ, и тѣмъ будутъ взаимно содѣйствовать возвышенію успѣховъ миссіи Православной русской Церкви, какъ по охраненію вѣрныхъ чадъ ея отъ пагубнаго увлеченія сектантскими лжеученіями, такъ и по обращенію заблудшихъ на путь истинной вѣры и спасенія.

Съ другой стороны, журналъ будетъ стремиться споспѣшествовать дѣлу миссіи: а) путемъ раскрытія и уясненія неправоты сектантскихъ лжеученій всѣми средствами, какія представляетъ православная богословская и историческая литература, б) общедоступнымъ изложеніемъ основныхъ истинъ христіанской вѣры и правилъ нравственности и в) всестороннимъ изслѣдованіемъ русскихъ раціоналистическихъ и мистическихъ сектъ, со стороны существа и характера содержимаго ими ученія, духовнаго и соціальнаго вліянія на послѣдователей своихъ и отношенія къ церковной, общественной и государственной жизни нашего православнаго отечества.

ПРОГРАММА

„Миссіонерскаго Обозрѣнія" слѣдующая:

I. Положительное изъясненіе и полемико-истолковательный разборъ мѣстъ Свящ. Писанія, извращаемыхъ лжеученіями русскаго сектантства. II. Извлеченіе изъ твореній св. отцевъ (преимущественно II—IV вв.) и произведеній знаменитѣйшихъ авторитетовъ отечественной Церкви—ученія о тѣхъ догматическихъ, нравственныхъ и обрядовыхъ истинахъ вѣры, относительно коихъ не право мыслятъ русскіе сектанты. III. Апологетическія и полемическія статьи объ основныхъ истинахъ вѣры и нравственности. Обличеніе заблужденій русскихъ сектъ. IV. Критическій разборъ сектантскихъ обрядниковъ, катихизисовъ и другихъ письменныхъ вѣроизложеній русскаго сектантства. V. Историческія свѣдѣнія и матеріалы о русскомъ сектантствѣ, о сектахъ на западѣ и объ отношеніяхъ послѣднихъ къ первому. VI. О церковно-гражданскихъ узаконеніяхъ и дѣйствующихъ распоряженіяхъ власти о сектахъ и преступленіяхъ отпадшихъ противъ Вѣры и Церкви. VII. Миссіонерская методика. Руководящія статьи объ условіяхъ успѣшнаго дѣйствованія на миссіонерскомъ поприщѣ приходскихъ пастырей, членовъ клира, мірянъ, приходскихъ попечительствъ, братствъ и народной школы. О наилучшемъ устройствѣ миссій и способахъ веденія частныхъ и публичныхъ собесѣдованій съ православными, колеблющимися, сектантами, иновѣрцами, и вообще

о миссіонерскихъ дѣйствіяхъ, по пресѣченію развитія сектантства въ приходахъ и по охраненію православнаго народа отъ приражения къ нему иновѣрныхъ и сектантскихъ мнѣній, навыковъ и обычаевъ. Руководственные совѣты въ недоумѣнныхъ и затруднительныхъ случаяхъ миссіонерской практики. VIII. Миссіонерская хроника. О дѣятельности противо-сектантской миссіи и современномъ состояніи русскаго сектанства и раскола. Выдающіеся случаи возсоединеній съ Церковью и отпаденій въ сектантство. Воспоминаніе о болѣе полезныхъ и искусныхъ дѣятеляхъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. Изъ записокъ и дневниковъ миссіонеровъ и пастырей. Изъ отчетовъ епархіальныхъ миссій. О выдающихся судебныхъ процессахъ по сектантскимъ дѣламъ. Этнографическіе очерки и разсказы о духовной и бытовой жизни русскаго сектантства. Статистическія свѣдѣнія о русскихъ сектантахъ, о состояніи и направленіи западныхъ протестантскихъ сектъ. Разныя извѣстія и замѣтки. IX. Библіографія. Разборъ книгъ и обозрѣніе журнальныхъ статей, церковныхъ бесѣдъ и поученій, относящихся къ миссіи. X. Приложеніе: Догматическія проповѣди и катехизическія поученія объ основныхъ догматахъ Вѣры, правилахъ нравственности и обрядахъ Православной Церкви. Внѣбогослужебныя собесѣдованія.

Миссіонерскіе листки для народа.

Журналъ будетъ выходить въ Кіевѣ, ежемѣсячно, книжками въ объемѣ отъ 6 до 8 листовъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ пересылкою внутри Россіи **5 руб.**,—за границу **6 руб.** При подпискѣ на полугодіе—**3 руб.** Съ требованіями на журнахъ обращаться—по почтѣ: въ Редакцію журнала «Миссіонерское Обозрѣніе» въ Кіевѣ (Кирилл. улица, д. № 10); съ личными заявленіями—въ контору Редакціи «Миссіонерскаго Обозрѣнія» — Большая Владимірская, д. № 20 (противъ памятника Ирины).

Редакторъ-Издатель *В. М. Скворцовъ.*

Редакторъ *Н. В. Переверзевъ.*

ОБЪ ИЗДАНІИ
„РУССКАГО ПАЛОМНИКА"
въ 1896 году.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1895 года «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» вступилъ въ одиннадцатый годъ своего существованія.

Для незнакомыхъ еще съ нашимъ изданіемъ считаемъ необходимымъ пояснить, что оно содержитъ въ себѣ описаніе святынь Россіи и православнаго Востока, историческіе и біографическіе очерки изъ жизни Церкви и многочисленныхъ церковныхъ деятелей ея во всѣ времена существованія Церкви Божіей на землѣ, житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, повѣствованія изъ церковно-религіозной области, путешествія ко святымъ мѣстамъ и обителямъ, объясненія праздниковъ и богослужебныхъ дѣйствій, назидательныя размышленія и проч. и проч.

Такой составъ журнала и книжекъ, сопровождаемый многочисленными рисунками, дѣлаетъ пригоднымъ «Русскій Паломникъ» для всѣхъ почитателей святынь и любителей религіозно-нравственнаго чтенія,—для каждаго христіанскаго семейства, для учащагося поколѣнія обоего пола, для общежитій, казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, рабочихъ центровъ и тюремъ, для внѣ-церковныхъ собесѣдованій пастырей со своими прихожанами и тому под.

«Русскій Паломникъ» будетъ издаваться въ наступающемъ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ и состоять изъ 52 выпусковъ, по два листа въ каждомъ, со многими рисунками, и 4 книгъ особыхъ приложеній, заключающихъ въ себѣ каждая не менѣе 15 печатныхъ листовъ. Между прочими статьями, заготовленными нами для этихъ книгъ, будутъ помѣщены:

1) Св. Григорій Богословъ, его жизнь и избранныя творенія. Сочиненіе это, къ которому приложено до 30 словъ, стихотвореній и писемъ великаго Отца Церкви, составлено подъ редакціею преосвященнаго Никанора, епископа архангельскаго и холмогорскаго, и

2) О Крестѣ Господнемъ, противъ раскольниковъ, кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Въ этомъ произведеніи доблестный пастырь, славные подвиги котораго составляютъ предметъ благоговѣйнаго удивленія всего христіанскаго міра, является съ новой стороны—въ качествѣ ученаго мыслителя и изслѣдователя. Мы счастливы, что можемъ представить нашимъ читателямъ этотъ серьезный и цѣнный трудъ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ читателямъ безплатную премію, въ высокохудожественномъ исполненіи одной изъ лучшихъ нашихъ мастерскихъ.

Подписная цѣна въ годъ шесть руб. Допускается разсрочка.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 13.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

ПОДПИСКА НА ЖУРНАКЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ"

НА 1896 ГОДЪ

(тридцать седьмой съ начала изданія),

принимается въ Москвѣ—въ редакціи (новый домъ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Толмачахъ, квартира протоіерея Димитрія Өедоровича Касицына); въ Петербургѣ—у книгопродавца И. Л. Тузова, Гостиный дворъ № 45. Цѣна за 12 книжекъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **4 р.**, за границей **5 р.**

Иногородные благоволятъ относиться для подписки **исключительно такъ**:

Въ Москву. Въ редакцію журнала **«ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ»**.

(Адресъ Редакціи Почтамту извѣстенъ).

Въ редакціи имѣются немногіе полные экземпляры «Душеполезнаго Чтенія» за 1890, 1892 и 1894 годы. Цѣна прежняя; за 12 книжекъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **4 р.**, за границей **5 р.**

№ 22 сданъ на почту 16 ноября.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 10 нояб. 1895 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ.*
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.